

A vertical photograph of a person standing on a beach at sunset. The person is silhouetted against the bright, orange sky. Their reflection is clearly visible in the shallow water of the beach. The overall mood is contemplative and serene.

ВНУТРИ

Влада Ольховская

Влада Ольховская

Внутри

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Однажды Кате пришлось начать жизнь с нуля – ее предал муж, которому она верила больше, чем себе самой. Она не сломалась, нашла любимую работу, даже научилась быть счастливой, когда Руслан снова вторгся в ее мир. Катя узнает, что ее муж, с которым она так и не развелась, оказался в психиатрической лечебнице, теперь он беспомощен, как ребенок. Врачи считают, что Руслан с рождения страдает психическим расстройством, но Катя знает, что это неправда. Из жалости она забирает мужа домой, и в ее жизнь постепенно прокрадываются события, достойные худших ночных кошмаров.

Катя начинает подозревать, что Руслан вовсе не болен, он как будто проклят. Проще всего отказаться от мужа, оставить его наедине с хаосом и спокойно жить дальше. Но Катя с удивлением понимает, что по-прежнему любит его, а значит, готова рискнуть всем, чтобы его спасти.

Влада Ольховская

Внутри

Кто-то стучал по зеркалу.

Изнутри.

Я понимаю, как безумно это звучит, и я сама не поверила бы в такое, если бы мне рассказали. Но у меня просто не осталось выбора – верить или не верить. Это было в моем доме, в моем мире, и я оказалась к такому совершенно не готова.

Этот звук и разбудил меня. За окном все еще царила типичная городская ночь – темная, но безжалостно разреженная золотым светом фонарей. Она всегда одинаковая, что в восемь вечера, что в пять утра. Но я-то знаю, как определять время, не глядя на часы: по окнам дома напротив, такого близкого, что кажется, будто соседи давно уже следят за моей жизнью.

Когда я проснулась, все окна в доме напротив потухли. А это значит, что было не больше четырех утра. Да и мне в такое время следовало бы спать! Однако сон слетел с меня за секунду, мгновенно сменившись тревогой. Я ничего не могла с собой поделать: я лежала в спальне, в своей уютной постели, никто мне не угрожал, но меня вдруг охватил такой ужас, что я не могла унять нервную дрожь, и мне хотелось плакать от бессилия.

Мое одиночество давно уже не тревожило меня – привыкла. Но сейчас, впервые за много лет, я все бы отдала, лишь бы кто-то оказался рядом, успокоил меня, обнял, сказал, что мне просто чудится. Однако никого не было – только я и этот... звук.

Я даже не сразу заметила его. Слишком уж неожиданным было мое пробуждение, слишком силен был страх... Да и звук сам по себе оказался тихим, ни на что не похожим. Этот странный, глуховатый звон – даже если по оконному стеклу постучать, не так будет! Я услышала его, но не сразу распознала, подбирала мирные варианты: может, ветер в окно скребется? Или капает что-то в трубах? Или у соседей?..

Но нет, в такое время даже в нашем доме с идеальной слышимостью наступала абсолютная тишина, в которой этот звук, негромкий и какой-то беспомощный, казался мне громом. Сжавшись под одеялом, я могла думать лишь о том, что в мой дом пробрался безумец, который так развлекается, выманивая меня. Сейчас я выйду из спальни и столкнусь с ним, увижу его искаженное болезнью лицо, пустой взгляд, а потом... Мне не хотелось думать, что произойдет потом.

Может, позвонить кому-то, позвать? Но это же так глупо! Здравый смысл понемногу просыпался, брал верх над суеверным страхом. Если я позвоню в полицию, что я им скажу? «Здравствуйте, у меня кто-то по зеркалу стучит»? Да они в жизни не приедут! А моя версия с психом... Я ведь слышала только стук. Если бы здесь кто-то был, я должна была уло-

вить шаги, скрип двери – хоть что-то!

Нет, мне мерещится, или должно быть другое объяснение. Вот только... Этот стук не был ритмичным или механическим. Напротив, в нем читалась какая-то паника – быстро, быстро, а потом – пауза, после которой следовали один или два удара, и все начиналось снова. Здравый смысл не мог объяснить мне, что это такое. Но он требовал, чтобы я вела себя как взрослая женщина, а не как десятилетняя школьница. А значит, мне полагалось выбраться из-под одеяла, выглянуть в коридор и посмотреть, что происходит.

Я заставила себя это сделать. За последние годы я наловчилась заставлять себя. Да, меня колотило от страха, мне казалось, что в комнате очень холодно, хотя такого никак не могло быть. Я даже не выдержала и схватила с полки тяжелую бронзовую статуэтку – лишь бы не идти туда с пустыми руками. Плевать, что я выгляжу смешно, никто ведь не увидит, а мне так спокойней! Это был компромисс с собой: да, я выйду, я буду вести себя как взрослая, но я не буду делать это безоружной!

Я не включала свет, потому что золотого сияния фонарей с улицы мне вполне хватало. Дрожащими руками я отперла замок спальни и выглянула в коридор, где и стояло большое, в полный рост, зеркало.

В коридоре никого не было. Но стук здесь звучал громче, четче, отчаянней... Стучали точно по зеркалу – и точно изнутри.

Здравый смысл окончательно ступшевался, уступив место панике. Ночью все иначе, правила разумного мира просто не действуют, ты остаешься один на один с чем-то древним, примитивным, скрытым в глубине твоей души. Не важно, какой сейчас год и какой путь проделало человечество. Я вдруг поняла, как чувствовали себя первые люди, робко выглядывавшие из пещер в темноту – где их уже поджидали монстры.

Я сдалась. Я захлопнула дверь, заперла замок, я отскочила подальше, а проклятый стук все не утихал. После такого я не могла вернуться в кровать и сделать вид, что ничего не происходит! Я завернулась в одеяло, потому что мне становилось все холоднее, и сжалась на кресле напротив двери. Я понимала, что если там действительно... *нечто*... то я уже ничего не изменю. Но я хотела видеть его, видеть, как это случится!

Ирония заключалась в том, что я никому не могла позвонить. Я только сейчас вспомнила, что мой телефон остался там, в коридоре – напротив зеркала! А значит, все равно что на другой планете. Да и кому бы я позвонила? Решилась бы я вообще подать голос? Нет, вряд ли, ведь это могло привлечь ко мне того, кого пока сдерживало зеркало. Максимум – написать сообщение кому-то из друзей, попросить приехать и спасти меня.

Вот только не было у меня таких друзей, которые, бросив все, метнулись бы ко мне посреди ночи. Раньше был один человек, всего один... но что теперь вспоминать об этом?

Нет, я осталась одна, и я чувствовала себя маленькой и потерянной.

В этом была какая-то злая издевка: обычно в моем доме трудно почувствовать себя в одиночестве. Слышно все, что происходит вокруг! Но поздняя ночь приглушила звуки, усыпила людей, и осталась только я – и тот, кто стучал по зеркалу.

Мне казалось, что этот стук, отчаянный, зловещий, длится целую вечность, однако и вечность когда-нибудь заканчивается. Он наконец затих, погрузив меня в звенящую тишину пустой квартиры. Я все сжимала дрожащими руками эту проклятую статуэтку, вслушивалась так, что даже дышать забывала, но звук больше не вернулся.

Оно отступило... чем бы оно ни было.

А потом настало утро, быстрое и динамичное утро большого города. Снаружи все еще горели фонари, но теперь загорались и окна, все больше и больше. Звенели будильники, звучали голоса и шаги, люди просыпались, даже не подозревая, что происходило рядом с ними.

Но я никак не могла выбраться из своего убежища, сил просто не было. Шок отступал, сменяясь усталостью. Я слушала пульс многоквартирного дома и думала о том, что он не защитил бы меня. Так странно... Мне всегда казалось, что все самое страшное происходит в каких-нибудь частных домах, на отдаленных хуторах, в старинных особняках. Вот как в фильмах! А в этом человеческом муравейнике такого не

бывает, ведь правда?

Неправда. От того, что рядом люди, но тебе все равно никто не поможет, становилось хуже.

Мне стало легче, только когда наступило настоящее утро – позднее, ноябрьское, серое и грязное. Мутный свет, добравшийся до моего окна, был слабым утешением, но даже его оказалось достаточно, чтобы отогнать мои страхи и из дрожащей девочки снова превратить меня в женщину «за тридцать».

Теперь я по-другому оценивала свое поведение, и мне было жутко стыдно. Даже при том, что никто этого не видел – перед собой стыдно! Наверняка тому, что произошло, было какое-нибудь разумное объяснение. А я перепугалась, как дура, и несколько часов провела без сна, в черт пойми какой позе!

Теперь тело безжалостно мстило мне за это нелепое ночное приключение. У меня болели все мышцы – даже те, о существовании которых я не подозревала. Голова кружилась, меня подташнивало, я чувствовала себя слабой и несчастной. Был даже соблазн завалиться в кровать и проспаться весь день, но я напомнила себе, что большие девочки так не поступают, я весь график собою. На сегодня у меня ничего важного не запланировано, прорвусь как-нибудь!

Злость отрезвила меня, подхлестнула, заставила выйти в коридор уже без тени страха. Там по-прежнему никого не было – а зеркало по-прежнему стояло на своем месте. Я

включила свет и заглянула в него.

Что ж, то, что я увидела там, было страшно – но ожидаемо. Бледная тетка с всклокоченными волосами и осунувшимся лицом, а больше – ничего. Ни мистических царапин, ни отпечатков ладоней с той стороны. Да что за наваждение это было?! Я протянула руку к зеркалу, осторожно постучала по его холодной поверхности – и услышала точно такой же звук, как тот, что разбудил меня ночью.

Страх, только-только отступивший, вернулся, ужалил меня, и я поспешно одернула руку. Так, ладно, с источником звука я не ошиблась... Но наверняка ему есть какое-то объяснение! Хватит уже себя накручивать, ночь закончилась, а к следующей... Выставлю-ка я, пожалуй, зеркало на лестничную клетку, пусть бомжи забирают!

Я кое-как привела себя в порядок и сварила такой крепкий кофе, что его впору было жевать, а не пить. Это помогло взять себя в руки, ну а дальше я планировала отвлечься скучной, монотонной работой у компьютера, однако звонок мобильного отвлек меня еще до того, как я добралась до стола.

Мне не хотелось отвечать. Да что ж со мной творится сегодня?! Инстинкты упрямо шептали мне, что после такой ночи, бессонной и злой, утро не принесет хороших новостей, лучше и не связываться с ними. Но я упрямо погасила эти мысли. Я ведь работаю на себя, мне постоянно звонят с незнакомых номеров, не хватало еще пугаться этого!

– Слушаю.

Тут уж я могла гордиться собой: прозвучало ровно и спокойно, как обычно. Вроде как ни этой ночью, ни утром ничего особенного не произошло, я сижу, попиваю кофеек, готовлюсь к очередному рабочему дню востребованного фотографа, давайте, говорите со мной!

И со мной действительно заговорили. Голос на том конце был женским, таким же спокойным, как у меня, приветливым даже. Я такие знаю: так обычно говорят люди, которые звонят с рабочего места и строго по работе. Они отстраняются от самих себя, в этот момент они представляют только свою компанию, то самое «ничего личного, только бизнес», и им от этого легче.

Такие люди звонили мне редко и уж точно не в восемь утра.

– Здравствуйте. Я ищу Екатерину Андреевну Петровскую.

– На проводе, – рассеянно отозвалась я.

Знаю, ужасная фразочка, особенно в эпоху мобильных телефонов, когда о проводах вспоминают не все и не всегда. Но, как это часто бывает с паразитами, она приклеилась ко мне и отказывалась уходить. Обычно я следила за речью лучше, но этот звонок все же застал меня врасплох.

– Вас беспокоят из частной клиники «Серебряный бор». Вам удобно сейчас говорить? Дело деликатное, и мне понадобится пара минут вашего времени.

Утро упорно отказывалось быть обычным и пыталось подражать моей бурной, сюрреалистичной ночи.

– Какой еще «Серебряный бор»? – нахмурилась я. – Впервые слышу! Так, если это какая-нибудь реклама пластической хирургии или элитной косметики...

– Это не реклама, уверяю вас, – мягко прервала меня собеседница. – «Серебряный бор» – это частная психиатрическая лечебница. Мы работаем с узким кругом пациентов, о нас знают все, кто нужно, и мы не даем рекламу. Поэтому, вероятно, вы о нас никогда не слышали. Хотя я надеялась, что вас предупредили, но и по-другому тоже бывает.

– Предупредили о чем?

Я начинала злиться, потому что это все больше напоминало розыгрыш. А мне сейчас не до шуток, я и так злая на весь мир!

Вот только моя собеседница, похоже, привыкла к таким переговорам, и мое раздражение, уже звеневшее в голосе, никак на нее не повлияло.

– Екатерина Андреевна, мне очень неприятно обрушивать на вас эту новость, но вам придется приехать к нам. Не переживайте, клиника расположена недалеко от Москвы!

– Я и не переживаю, я не понимаю, зачем мне вдруг понадобилось к вам ехать!

– Для того, чтобы забрать пациента или написать официальный отказ забирать его.

Она произнесла это так просто, будто не было в мире фак-

та очевиднее. Мол, Екатерина Андреевна, вы тупая или что? Только ради этого ездят в «Серебряный бор», все же знают!

Я была в шаге от того, чтобы бросить трубку.

– Какого еще пациента? – прорычала я. – Вы издеваетесь?

– Петровский Руслан Павлович. Вам знакомо это имя?

И вот тут меня словно ледяной водой обдали. Головокружение, только-только покинувшее меня, вернулось с новой силой, и мне пришлось опуститься на ближайший стул, иначе я бы просто рухнула.

– Это какая-то ошибка... – с трудом произнесла я. Больше ничего на ум не приходило.

Вот только голос, этот долбаный голос, был все таким же уверенным, ровным, жизнерадостным даже.

– Уверяю вас, ошибки нет. Руслан Павлович – уже много лет наш пациент. Это ведь ваш муж, не так ли?

Да.

Да, по закону это был мой муж. Но по факту – нет, и наши пути разошлись так давно, что я даже забыла об этом штампе в паспорте, который мы так и не удосужились убрать! Не договорились, не сошлись, а потом это все стало неважным...

Я не произносила это имя даже в своих мыслях, слишком больно было. Я смирилась с тем, что произошло, и отпустила его, просто отпустила. Я понимала, что Руслан где-то есть, не исчез же он с планеты! Но я не сомневалась, что он счастлив, с такими людьми по-другому не бывает.

Я не была готова к тому, что его имя свяжут с психиатри-

ческой лечебницей.

– Все верно, – прошептала я, сжимая трубку так, что судьба телефона вызывала опасения. – Пожалуйста, расскажите, что произошло, потому что я уже ничего не понимаю!

Моя собеседница не была удивлена, видимо, ей не раз приходилось сталкиваться с таким.

– «Серебряный бор» – это частная клиника, где мы обеспечиваем уход пациентам с серьезными психическими отклонениями, тем, кому помочь уже нельзя, – пояснила она. – Это те случаи, когда «лечение» – всего лишь способ сделать их неопасными для общества и обеспечить им достойный уровень жизни, насколько это вообще возможно.

– Но... при чем тут Руслан? – не выдержала я.

– Вы не знали? У вашего мужа давно уже диагностирована шизофрения, и три года назад он получил серьезную травму головного мозга, после которой он просто не в состоянии за собой ухаживать.

Нет, это все-таки какой-то розыгрыш. Такое не может быть по-настоящему, не с Русланом, не с ним! Ее слова казались мне еще более нереальными, чем ночной стук по зеркалу.

Однако моя собеседница не видела меня, не знала, какой эффект производят ее слова, и беззаботно продолжала. Да и о чем ей заботиться, о ком? Для нее это была всего лишь работа, история очередного пациента.

– Насколько я поняла, из всех родственников у Руслана

Павловича была только мама, пожилая женщина, которая не могла обеспечить ему должный уход.

– Ирина Георгиевна, – рассеянно подтвердила я.

– Да, именно так. Она обратилась в нашу клинику и оплатила пребывание здесь Руслана Павловича. С тех пор он у нас, мы заботимся о нем уже три года.

А мне ничего не сказали... Про травму эту. Но понятно, почему! Да, мы не развелись официально. Но Ирина Георгиевна прекрасно знала, что происходит между нами, не могла не знать. Да я сама сказала ей держаться от меня подальше! Но разве я знала? Разве я могла знать?..

Ладно, травма головы – это хотя бы возможно. А шизофрения откуда? С чего бы? Руслан был здоров, всегда, я бы знала...

Или я знала, но отказывалась видеть? Впрочем, об этом можно будет подумать позже.

– Почему вы звоните мне именно сейчас? – уточнила я. Я уже чувствовала, что ответ мне не понравится.

– Понимаете, мне тяжело об этом сообщать, но «Серебряный бор» – не благотворительная организация. Мы не можем держать здесь пациентов, если их проживание не оплачивается. Когда финансирование прекращается, пациента должны забрать родственники, или его передадут в государственное учреждение.

– Ясно... Значит, Ирина Георгиевна больше не может платить?

– Ирина Георгиевна умерла. Разве вы не знали?

Нет, я не знала. Я ничего не знала о жизни этой семьи – которая, теоретически, была и моей семьей. Проклятье, ведь чувствовала же, что не нужно отвечать на этот звонок... Нет, что за глупости? Я должна была узнать, хватит себя жалеть!

– Нет, я не знала, – только и сказала я.

– Мне очень жаль, примите мои соболезнования.

Это была дежурная фраза, которая на самом деле ничего не значила.

– Спасибо.

– Пребывание Руслана Павловича оплачено до конца месяца, и к этому времени что-то нужно решить. По правилам клиники, родственник пациента, устраивающий его к нам, должен указать запасной контакт на экстренный случай. Ирина Георгиевна указала только вас, вы ведь его супруга! Но, я так понимаю, вас ни о чем не предупредили?

– Нет...

– Не переживайте! Вам не обязательно его забирать. Как я уже сказала, вы можете написать отказ – вы ведь не подписывали никаких документов.

– И что будет, если я напишу отказ?

– Забота государства, – ответила моя собеседница, акцентировав слово «забота». – Других родственников у него нет, самостоятельно он позаботиться о себе не сможет, поэтому оставлять его на свободе нельзя.

– Вы не могли бы рассказать, что именно с ним произо-

шло?

– Ой, нет, это вам лучше с доктором обсудить! Он вам и расскажет подробно обо всех возможностях. Но вам в любом случае нужно будет подъехать к нам, даже отказ нужно написать официально. Выбирайте любой день до конца месяца, мы вас не торопим!

– Я приеду сегодня.

– Екатерина Андреевна, ну что вы, в самом деле, вам не обязательно так спешить!

– Я приеду сегодня, – жестко повторила я. – Диктуйте адрес.

Она серьезно предполагала, что я смогу ждать? Остаться в стороне и делать вид, что ничего не случилось, еще парочку дней? Да конечно!

Эта новость обрушилась на меня лавиной, я была к такому совершенно не готова, скажу честно. После такой ночи я надеялась провести день осторожно, тихо, просто переждать его. А тут – мир перевернули!

Одно ведь не может быть связано с другим, правда?.. Да ну, что за бред! Ночной стук мне просто послышался, а это все по-настоящему!

Я вычеркнула и Руслана, и его мать из своей жизни. Это был не мой выбор – но итог все равно один. Их просто не было со мной все эти годы! Я не забыла своего мужа, я просто переболела им, выжила после всего, что случилось между нами. Я думала, что никогда больше его не увижу... Не

знаю, почему. Наверно, это очень наивно с моей стороны, если учитывать штамп в паспорте. Но мне так было проще: закрыть глаза, чтобы ушла боль.

И вот на меня обрушили эту новость. Ирина Георгиевна мертва, ее больше нет, а Руслан... с ним все непонятно, потому что слова этой женщины не могут быть правдой. Он был здоров, ни о какой шизофрении и речи не шло! Да я бы скорее с ума сошла, чем он, Руслан всегда был титаном, скалой посреди бушующего моря, не было в мире силы, способной вот так сломать его!

Но что толку рассуждать об этом теперь? Женщина, звонившая мне, была простым администратором, и не было смысла доказывать ей что-то. Ей все равно, она выполняет свою работу... Так что я записала адрес клиники и подтвердила, что прибуду сегодня. Изучение карты подсказало, что на дорогу у меня уйдет час-полтора, максимум – два, но я была к этому готова. Сонливость как рукой сняло, во мне кипела энергия, которую всегда приносил с собой сильный стресс. Это ночью я трусливо пряталась в коконе из одеяла, сейчас, при свете сумрачного ноябрьского дня, я готова была действовать.

По крайней мере, я готова была бросить все и ехать в клинику. Я понятия не имела, как поступлю, когда доберусь туда.

Май был приятно теплым, почти по-летнему, но свежим, укутанным в пышную легкую шаль из цветущих каштанов. Они, такие яркие и беззаботные, всегда успокаивали меня, поэтому я бежала в старый парк работать, когда получалось. Я стелила пестрый плед на землю у ствола, подальше от дорожек с шумными гуляющими, устраивалась там с ноутбуком, а когда мне хотелось отдохнуть, смотрела на небо, скрытое за пеной каштановых цветов.

Это был почти психологический трюк, способ убедить себя, что жизнь не так уж плоха. Хотя моя, объективно, в этот период была не очень. Есть определенный список вещей, которые нужно «успеть до 25» – вон сколько в интернете вариантов! И если такие списки верны, то я – это какой-то ходячий провал.

Чего там полагается добиться? Блестящей карьеры и финансовой самостоятельности? Да конечно! Я кое-как перебывалась и оплачивала счета, но мне приходилось тесниться в крошечной комнатке коммуналки, и я понятия не имела, когда выберусь. Да и выберусь ли вообще! Иногда накатывало чувство, что все зря и что я полезла не в свое дело.

Путешествия? Я бы не прочь, но тут снова вступает фактор денег. Я не могла бросить все и уехать в Индию в поисках себя, как показывают в молодежных фильмах. Если только

пешком уйти! Нет, круто было бы разъезжать по всей Европе, но не в моем случае.

Что там еще, жизнь в свое удовольствие? Не моя тема – по крайней мере, такая жизнь, которую называют насыщенной и правильной. Я не люблю толпы, шум, громкую музыку. Мне спокойней всего в своем мире. Как это называют, зона комфорта? Вот из нее я не люблю выходить, что бы там ни твердили.

Несложно догадаться, что и с семьей у меня проблемы – из-за всего вышесказанного, да и не только. Что любопытно, во времена моей мамы женщин после двадцати пяти уже называли «старородящими» – слово-то какое безобразное... А у меня в двадцать пять лет еще ничего не было. И когда я говорю ничего, я имею в виду НИЧЕГО. Огромное, постыдное. Я даже не целовалась толком – в щечку не считается, это детский сад какой-то.

Не знаю, как так получилось... Да я и не ожидала! Меня нельзя назвать некрасивой – скорее, наоборот, к родителям даже приставали какие-то модельные агенты, чтобы меня на съемку отправить. Но я всегда была стеснительным ребенком, и позировать перед камерами мне не хотелось. Так это ведь ничего не меняет! Выросла я вполне себе привлекательной девушкой – ноги длинные, грудь на месте, лицо тоже милое, это я как фотограф сказать могу... Вот только этого оказалось недостаточно.

Наверно, все дело в том, что я никогда не была хохотуш-

кой, легко идущей на контакт. Я очень осторожно подпускаю к себе людей, а такое испытание не каждый выдержит. Всякий раз, получая комплимент или приглашение на свидание, я не смущалась и заливисто хохотала, а настораживалась, замыкалась в себе, выпускала невидимые иголки, которые ранили несостоявшегося кавалера, совсем как настоящие.

Мне на это не раз указывали. Я и сама все знала – а остановиться не могла. Нет, я не какой-нибудь социопат, до такого не дошло! Когда нужно работать с мужчинами, дружить с мужчинами или просто общаться с мужчинами, с моей стороны нет вопросов. Но когда появляется другой интерес, я... Я просто не могу ничего с собой поделаться. В душе будто все замерзает, я чувствую себя зверьком, загнанным в угол, мне неприятно находиться рядом с тем, кто улыбается мне и желает мне добра! Поэтому я отказываю или делаю глупость, и человек уходит... а я остаюсь одна.

Когда-то я думала, что перерасту это. Пройдя всю школу без единого романа, я успокаивала себя тем, что уж теперь-то, когда мне исполнилось восемнадцать, все будет по-другому... по-взрослому! Но оказалось, что цифра в паспорте ничего не меняет, вот вообще ничего. Природа слепила из меня красавицу – а я сама себя превратила в угрюмого ежика, прячущего лицо под волнами пепельных волос.

Нет, я понимаю, что это ненормально и нужно что-то делать. Но в то же время, так не хочется ломать себя! Поэтому я решила просто поставить это дело на паузу: у меня сей-

час и без любовных страстей забот хватает. Вот разберусь с работой, жильем, доходами, путешествиями, водительскими правами и собакой, тогда посмотрим... И не важно, сколько мне будет лет.

Примерно так я думала в тот майский день, спасаясь от нарастающей тоски весенней красотой каштанов. А потом ко мне подошел он.

Обычно я в такие дни обходилась без постороннего внимания, я все для этого делала, и случайно оказаться рядом со мной было невозможно. Так он ведь и не оказался случайно! Он не делал вид, что просто проходит мимо, он направился сразу ко мне.

В руках он держал два стаканчика кофе из местной кофейни и бумажный пакет – явно с какими-то плюшками. Он подошел ко мне и с улыбкой протянул мне кофе. Он вел себя так, будто мы знакомы уже давно.

А я видела его впервые в жизни! Тут без сомнений, я бы такого точно запомнила. Он был примерно моего возраста, высокий, спортивный – такой массивный здоровяк, каких обычно для календарей снимают. Он сошел бы за викинга, если бы не был жгучим брюнетом: волосы каштановые, аккуратная темная борода, кожа смуглая и глаза темно-карие. Но самой примечательной его чертой, пожалуй, была улыбка. Белоснежная, широкая, голливудская, только не постановочная, а вполне искренняя.

Мне в жизни так никто не улыбался, и этим он сразу сбил

меня с толку, не дал сказать ему ни колкость, ни гадость – а обычно мужчин, пытающихся со мной познакомиться, я приветствовала именно так. Ошарашенная, я невольно приняла протянутый мне стаканчик с кофе, даже не подумав о том, что делаю. А незнакомец, продолжая улыбаться, устроился на траве напротив меня, и теперь наши глаза были на одном уровне.

Я смогла рассмотреть, что глаза у него не просто темные, в них мерцали какие-то непонятные веселые искры. Они напоминали мне солнечные блики, потерявшиеся в янтаре...

Я тряхнула головой, сгоняя наваждение. Что я веду себя, как малолетка?! Это наверняка какой-то пикапер, который перед товарищами выделяется! Поэтому я заставила себя намуриться, включая «режим ежика». Правда, на этот раз мне потребовалось немало усилий, чтобы сделать это: рядом с ним я почему-то не чувствовала той неприязни, которая обычно мешала моей романтической жизни. Не знаю, почему, но мне не хотелось, чтобы он уходил!

Но я не была бы собой, если бы вела себя, как адекватный человек.

– Что происходит? – строго спросила я.

– У нас свидание, – обыденно пояснил он. Глядя на его улыбку, мне тоже хотелось улыбаться, но я старательно сдерживалась.

– С чего это? Я не соглашалась!

– А я знал, что вы не согласитесь, – вздохнул он. – Уви-

дев вас, я сразу подумал: эта девушка слишком хороша для меня, если я приглашу ее на кофе, она откажет мне. Поэтому у меня был только один шанс: сразу прийти с кофе. И я пришел.

Я не выдержала, улыбнулась. Даже не знаю, почему! Но это было так легко, так естественно... То, что у меня никогда раньше не получалось, сейчас давалось мне очень просто. Дело было не в том, что происходило, не в словах или поступках. Нет, скорее, в игру вступили инстинкты: та часть меня, которая раньше пылала неприязнью, теперь согревала теплом. Как будто те, кто был до него, были чужими мне, и я знала это до того, как они начинали свою ритуальную брачную игру.

А с ним, наоборот, все было так правильно, что я просто не могла притворяться стервой.

– Вдруг я не люблю кофе? – спросила я. Мне было любопытно, что он ответит.

– Нет, мне кажется, любите. Если проблема в чем и была бы, то только во мне. Кофе тут не при чем. Так проблема есть?

Я осторожно сделала первый глоток. Кофе был приятно теплым, сладким и дурманяще ароматным. Я его сто раз покупала в этом парке, но никогда еще он не казался мне таким вкусным.

– Нет. Проблемы нет.

– Вот я чувствовал, что так будет! – обрадовался он. Как

ребенок обрадовался тому, что я просто приняла маленький подарок! – Меня, кстати, Руслан зовут. А вас?

Мне вдруг показалось, что это важная черта, граница, которую нельзя пересекать просто так, не подумав. Странная мысль, конечно... Ну что такого в том, что я назову ему свое имя? Я все равно могу уйти точно так же, как ушла бы в других обстоятельствах! Но я чувствовала: если отвечу, если завершу это знакомство, случится что-то... новое. То, чего у меня не было раньше и к чему я, может быть, не готова.

Хорошо, что он не знал об этих мыслях, потому что они простительны лет в шестнадцать – но никак не в двадцать пять! И все же...

Я подвинулась ближе к каштану, освобождая место на пледе рядом со мной.

– Катя. Не сиди на земле, простудишься, еще ведь не лето. Садись со мной.

«Он уйдет», – шептала та часть моей души, которая уже начала превращаться в злобную, циничную, одинокую тетку.

«Он останется», – возражали инстинкты, которые раньше, до него, не подпускали ко мне ни одного мужчину. Теперь я поняла, почему.

* * *

На первый взгляд «Серебряный бор» напоминал санаторий. Изящная каменная вывеска – целая скульптура с цве-

точками и всяким там зверьем, – указывала нужный съезд с дороги и даже намекала, что там всем рады. Но я знала, как обманчив в этом случае первый взгляд, и скоро мои догадки подтвердились. За живой стеной из старых сосен и елей скрывался высокий бетонный забор с колючей проволокой. Гнетущее зрелище, но как же иначе?

Отправляясь сюда, я успела навести кое-какие справки. Клиника «Серебряный бор» была единственной в своем роде. Сюда принимали пациентов, которым требовался *особый* уход – опасных, буйных или, наоборот, лежачих и совсем беспомощных. Тут работали врачи и целый штат дюжих медбратьев, которые, кажется, и с медведем бы справились. На сайте было указано, что о пациентах тут заботятся, как о родных, кормят, одевают, моют, холят и лелеют.

Вряд ли все было так радужно, но одно я знала наверняка: оставаться в «Серебряном бору» очень, очень дорого. За то, чтобы больше не видеть потерявшего человеческий облик больного, но при этом не терзаться угрызениями совести, родственники должны были выкладывать нехилые суммы. Хотя, подозреваю, Ириной Георгиевной двигало не желание освободиться от забот. Она безумно любила Руслана – единственного сына, она бы не отказалась заботиться о нем, если бы могла. Получается, он дошел до такого состояния, что она не могла... От этого мне становилось еще страшнее.

А вот то, откуда она взяла деньги, меня не шокировало. Ирина Георгиевна была уважаемым человеком, профессо-

ром, ученой, она преподавала и писала книги, у нее всегда был неплохой доход, да еще дача, две квартиры... Ей было, что продавать, она могла себе позволить такие условия для Руслана, только вряд ли это уменьшило ее боль.

Почему она не сказала мне? Потому что считала, что мне будет все равно? Мне не было бы все равно... Но сложно сказать, готова ли я была услышать. Я и сейчас не готова, а что толку? От меня уже ничего не зависит.

В «Серебряном бору» меня ждали. Дисциплина здесь была строгая – как в тюрьме, не меньше, но это и понятно. Въезд на территорию – только по паспорту, да и то для тех, кто в особом списке. Дальше все разграничено сеткой-рабицей, даже внутри периметра, чтобы пациенты могли пройти лишь на выделенные для них площадки. Повсюду дежурят охранники, иногда – с собаками... Гиблое место какое-то! Да и атмосфера такая... гнетущая.

В какой-то момент мелькнула шальная мысль, что Руслан тут вообще не при чем. Нет здесь его и не было никогда, а все это – для меня, просто повод загнать меня сюда, чтобы схватить, запереть...

Да, подкосила меня бессонная ночь! Мне потребовалось немало усилий, чтобы взять себя в руки, успокоиться, подготовиться к тому, что меня ждет. Я нужна Руслану, не время для детских фантазий!

У гостевой парковки меня уже ждал врач, один, и от этого стало чуть спокойней. Моим будущим спутником оказал-

ся мужчина лет пятидесяти, крепкий, уже полностью седой, неулыбчивый, но и не озлобленный. Похоже, он был из серьезных медиков, а не из администраторов, которым полагаются перед клиентами танцы с бубном плясать.

– Анатолий Александрович Лирин, – представился он. – Я – лечащий врач Руслана.

– Здравствуйте... Знаете, мне тяжело даже вопросы сейчас задавать!

– Я знаю, меня предупредили, что вы не осведомлены о его состоянии.

– Это еще мягко сказано, – кивнула я. – Мы с Русланом... Мы уже шесть лет не живем вместе. Мы не виделись, не созванивались, поэтому я и не знаю, что с ним.

Уже шесть лет прошло. Для меня это почти стало открытием.

– Простите, но я не могу не спросить... Причиной расставания стала его болезнь?

– Нет! – поспешила ответить я. Может, мне и следовало бы сдержать возмущение, да не получилось. – Не было никакой болезни шесть лет назад!

– Да, официально не было. Но по своему опыту могу сказать, что такие вещи не появляются внезапно. Думаю, первые симптомы просто были неяркими, и все их упустили. Давайте пройдемся, и я расскажу вам все.

Плевать мне, что он там говорит, не было никаких симптомов, которые я просмотрела. Да Руслан был адекватнее ме-

ня!

Когда мы с ним познакомились, это я была диковатым дьяволенком, с подозрением косившимся на мир. Он помог мне обрести уверенность, стать спокойней, мягче, он научил меня правильно общаться с людьми. А еще он был невозмутимым и очень практичным – разве так бывает с психами? Когда случалось что-то плохое, это я начинала злиться, или метаться, или расстраиваться.

Руслан действовал по-другому, у него всегда была политика: есть проблема – решаем ее, а не впадаем в истерику. Соседи беспокоят? Сделаем им внушение, и они заткнутся. Клиент на работе хамит? Поставим его на место. Прилетели инопланетяне и захватили Землю? Отсидимся в подземном бункере, сейчас выкопаю...

Короче, Руслан был готов ко всему. Это я переняла у него привычку действовать, а не рыдать, не наоборот. Он избавил меня от недоверия и язвительности, а еще... Еще я любила его, и он любил меня. Какая шизофрения?

Нет, шокировал он меня только один раз: когда ушел от меня. Точнее, это я его прогнала – но он заставил меня сделать это! В любом случае, шесть лет назад с ним все было в порядке, и, закрывая за ним дверь, я была в полной уверенности, что он сможет быть счастливым. Я – под вопросом. А он – точно да, без вариантов.

Но вот я здесь, и он тоже здесь, и мы совсем в разных ролях.

– Когда Ирина Георгиевна привезла к нам Руслана, я ознакомился с его медицинской картой, – рассказывал Анатолий Александрович, когда мы медленно шли по аллее, предназначенной, очевидно, для персонала. На улице было холодно, но внутри психушки мне не хотелось, и я была благодарна за возможность поговорить с ним здесь, среди пушистых туй.

– Судя по всему, серьезные симптомы начали проявляться примерно пять лет назад.

– Это какие, например?

– Галлюцинации, бред, расстройство мышления, частые смены настроения, апатия и агрессия... Сначала ему поставили подозрение на шизофрению, но и точный диагноз установили до меня, начали лечение. Позже Руслан попал в аварию. Он каким-то образом оказался за рулем, хотя в его состоянии это категорически запрещено. Это привело к тому, чего и следовало ожидать: он не справился с управлением и разбился.

Я невольно вздрогнула от слов, которые он произносил так равнодушно. Руслан разбился... а я даже не знала!

А вот про то, что он предсказуемо не справился с управлением, – это неправда. Руслан великолепно водил машину, он меня всему научил! Не знаю, что там было за лечение, но оно не могло полностью изменить его!

Только вот Анатолий Александрович не знал всего этого о Руслане, да и все равно ему было. Он продолжил:

– В той аварии Руслан и получил серьезную травму головного мозга. Правда, за всю мою практику, а это больше тридцати лет, это самая странная травма.

– В смысле? – насторожилась я.

– Она есть – но ее и нет.

– Понятней, если честно, не стало.

– Да тут все ничего понять не могут, не только я один! – развел руками Анатолий Александрович. – Смена поведения, общее состояние, реакция зрачков – все указывает на серьезную травму. Но сколько бы мы ни обследовали головной мозг, мы не можем понять, что происходит с Русланом. Все снимки и анализы показывают, что он здоров, а там о здоровье и речи не идет.

– А это нельзя... вылечить?

Я знаю, что прозвучало очень глупо. Но я должна была спросить.

– Увы, медицина еще не так далеко зашла. Все, что можно обеспечить Руслану, – это уход. Мы даем ему успокоительные препараты, витамины, но это не лекарство от его болезни, это средство, подавляющее симптомы. О том, чтобы он снова стал полноценным человеком, и речи не идет. Простите мне мою прямолинейность, но я не хочу давать вам ложную надежду.

Чувство, что все это не по-настоящему, лишь усилилось. Руслан не сможет быть самостоятельным? Он болен, он не в состоянии о себе позаботиться? Да ну, не может быть! Это же

Руслан, он заботится не только о себе, но и обо всех вокруг! Как он вдруг может стать беспомощным?

Каждая частичка меня сопротивлялась этому новому знанию. Мне казалось, что доктор вот-вот рассмеется и спросит, как мне их шутка? Шокировала? А это все Руслан придумал!

Но доктор смеяться не собирался.

Мы как раз сворачивали к зданию, когда я увидела нечто странное. Лужайка неподалеку от больницы была не только закрыта сеткой, но и со всех сторон обтянута лентами полицейского ограждения. Похоже, там произошло что-то серьезное! Судя по состоянию лент, случилось это не сегодня и не вчера, а несколько дней назад. Но там произошло нечто грандиозное, потому что трава была взрыта, как будто ее... изнутри взорвали? Даже в моих мыслях это казалось диким, однако определения лучше я придумать не могла. А еще сетка там была погнута, частично – порвана, а на светлом песке сохранились зловещие темные пятна, о происхождении которых я предпочитала не думать.

Мы проходили мимо огороженной площадки, и это давало мне полное право спросить:

– А здесь что случилось?

– Несчастный случай, – неохотно ответил врач. – Погиб один из наших санитаров.

– Что за несчастный случай мог произойти на ровном месте? Здесь же ничего нет!

– Полиция разберется, я бы не хотел это обсуждать.

Несчастные случаи бывают везде.

Но уйти от разговора у него не получилось.

– Это что, зуб?! – ужаснулась я.

Спросила я так, чтобы внимание привлечь. Я не сомневалась, что на пожухшей траве за ограждением лежал человеческий зуб. Это было страшно само по себе, но гораздо больше меня пугало то, что его вырвали с куском челюсти. Я не бралась даже представить, как такое возможно!

– Да что ж такое! – досадливо поморщился Анатолий Александрович. – Они ведь заверяли меня, что все собрали! Екатерина, я вынужден просить вас никому не рассказывать об этом. Нам лишь чудом удалось избежать скандала! Уверяю вас, расследование идет, ничего противоправного со стороны клиники не совершалось. Я просто боюсь, что лишнее внимание навредит нашим пациентам.

– Я никому ничего не скажу, но вы хотя бы мне объясните, что здесь случилось!

– Этого пока действительно никто не знает. Чуть больше недели назад утром мы обнаружили одного из ночных санитаров на этом месте – а точнее, то, что от него осталось.

– Его ведь не кто-то из пациентов убил? – прошептала я.

Теперь бетонная стена, окружавшая больницу, казалась мне особенно жуткой.

– Вот таких предположений я и боюсь! – указал врач. – А именно они появятся в газетах, если журналисты что-то пронюхают! Это ведь всем кажется логичным: раз здесь со-

держатся потенциальные преступники, то и убийство совершено ими. Екатерина, я вас заверяю: с безопасностью в «Серебряном бору» проблем нет. Мы пока не знаем, кто убил охранника. Но я лично видел тело: ни наши пациенты, ни человек, любой человек, не мог это сделать. Думаю, речь действительно идет о несчастном случае, но каком... Это уже не в моей компетенции.

Нельзя сказать, что он меня успокоил, но вопросов я больше не задавала. Зачем? Меня это не касается, я не собиралась возвращаться в «Серебряный бор».

Для меня важнее было кое-что другое:

– Так какие у меня есть... варианты? Относительно Руслана.

Этого мне администратор сказать не могла, она все ссылалась на врачей. Логично предположить, что лучше всего было бы оставить Руслана здесь, вот только я была не уверена, что потяну это. Нет, у меня есть кое-какие накопления, я не бедствую. Но этого хватит на год, два... а что дальше?

Да и потом, самый правильный вариант почему-то мне не нравился. Я никак не могла смириться с мыслью, что это не *мой* Руслан, не тот человек, которого я любила больше жизни.

А перспектива бросить тут, за бетонными стенами и колючей проволокой, моего Руслана казалась мне чудовищной.

– Ну что вам сказать... Я наблюдаю за Русланом уже три года, все время, что он находится здесь, и даже я вынужден

признать, что он – не совсем обычный пациент. В целом, его состояние можно сравнить с ребенком двух-трех лет, но с вычетом детской жизнерадостности.

Он не способен на сложное общение, говорит очень мало, хотя какие-то слова помнит. Его главное преимущество в том, что он очень послушен: он понимает и выполняет команды. Но он принимает их не ото всех, и это минус. Он слушался свою мать, меня и еще нескольких врачей, все. На команды, данные медсестрами и санитарями, он может и не отреагировать.

Он не животное, чтобы реагировать на команды... Но об этом я не сказала, потому что врач не понял бы меня. Он привык рассматривать своих пациентов вот так, это уже не изменится.

– Значит, он спокойный и безобидный? – уточнила я.

– Я не могу это подтвердить, потому что, боюсь, вы решите, что с ним просто. Да, по сравнению с другими нашими пациентами, Руслан достаточно спокойный. Я бы даже сказал, апатичный, большую часть времени с ним легко. Он в состоянии себя обслужить, но только находясь под контролем.

– То есть?

– То есть, вам не обязательно на руках нести его в ванную, чтобы он вымылся. Вы можете сказать ему об этом, но никогда не оставляйте его одного, ни при каких обстоятельствах. Во-первых, такие пациенты непредсказуемы, и то, что он ни

на кого не нападал раньше, не значит, что он не нападет в будущем. Во-вторых, у Руслана случаются припадки.

Я знала, что где-то будет подвох.

– Какие еще припадки?

– Иногда это может быть вспышка беспокойного поведения, когда Руслан стремится вырваться из дома. Окружающим он обычно не вредит, но может навредить сам себе. Иногда это очень похоже на эпилептический припадок. Его нужно сдерживать, помогать ему, а это не так просто, вы ведь знаете, что он довольно крупный мужчина. Именно поэтому его мать обратилась к нам: ей было физически тяжело ухаживать за ним. К тому же, у него случаются галлюцинации, бред, и человеку неподготовленному тяжело к этому привыкнуть.

– То есть, мне лучше не забирать его домой?

– Я этого не говорил.

Мы подошли к зданию больницы, но внутрь врач меня не повел. Анатолий Александрович остановился неподалеку от черного хода и быстро осмотрелся по сторонам, словно проверяя, не подслушивает ли кто-то наш разговор.

Но нет, день в «Серебряном бору» шел своим чередом, и мы были одни.

– Екатерина, по правилам этого заведения я должен убеждать вас, что вам следует любыми путями оставить его здесь. Но я понимаю, что это не всегда возможно. Да и потом, после этой истории с санитаром... Я не уверен, что в ближайшие

месяцы в клинике будет так же спокойно, как раньше. Поэтому есть еще два варианта, и выбор здесь зависит от того, какой судьбы вы желаете Руслану. Вариант номер один – вы пишете отказ, и Руслана направляют в закрытое учреждение, потому что находиться без опеки он просто не может.

– Но там он долго не проживет? – догадалась я.

– Простите, но – как есть. Да, там он долго не проживет. Второй вариант – вы забираете его с собой. Но тогда вам придется перекроить всю свою жизнь, многому научиться, от чего-то отказаться. Есть пациенты, которых я категорически не рекомендую забирать домой. К Руслану это не относится, но... будет трудно. Зато при должном уходе он проживет очень долго. Только нужно ли вам это? Насколько я понял, вы с ним расстались еще до того, как проявилась его болезнь. Поверьте, я не буду вас осуждать за любое решение. Пойдемте, я провожу вас к нему.

Мне казалось, что для меня начался обратный отсчет, те самые минуты, в которые я должна принять финальное решение. Я ожидала, что теперь буду думать только о Руслане, о том, что он значил для меня. Но когда мы вошли в больницу, эти мысли сами собой вылетели из головы. Все мое внимание было поглощено тем, что меня окружало.

Да, в «Серебряном бору» было чисто, здесь сделали хороший ремонт, а санитары и врачи носили новую дорогую униформу. Но это все равно была клиника для умалишенных, от правды не уйти. Здесь было душно, пахло лекарствами – и,

немного, нечистотами. Судя по запаху хлорки, это пытались приглушить, однако некоторые вещи скрыть невозможно. А еще внутри было шумно: я слышала крики, удары, завывание и визги, и половина из этих звуков никак не могла издаваться людьми. По крайней мере, мне так казалось.

Я словно попала на другую планету! Причем первобытную, ту, где человек был всего лишь одним из элементов природы, но уж никак не ее господином. Я даже решила, что здесь какое-то ЧП и меня сейчас выведут, однако мой спутник остался невозмутим. Наблюдая за ним, я поняла, что это нормальное состояние клиники, тут такое каждый день.

Я оказалась в мире, где мой муж провел три года, и мне не нравился этот мир.

Анатолий Александрович подошел к дежурной медсестре, что-то спросил, но я услышала только имя Руслана. Медсестра с любопытством покосилась на меня и ответила так же тихо. Врач вернулся ко мне и сказал:

– Похоже, утром у Руслана был один из тех припадков, о которых я говорил. Он сейчас в своей комнате. Хотите пройти к нему?

– Да... Да, конечно.

Я не была уверена, что готова, но просто уйти уже не могла. Наверно, мне можно было написать отказную, не встречаясь с Русланом. Вот только простила бы я себя за это? Вряд ли!

Пока мы шли на жилой этаж, я наблюдала за теми немно-

гими пациентами, которым позволяли тут бродить, и мне не нравилось то, что я видела. Они в большинстве своем были болезненно худыми, но часто – с раздутыми животами. Бледные, с прыщами и язвами, не слишком чистые... Да за животными иногда ухаживают лучше!

Анатолий Александрович проследил за моим взглядом и понял его правильно.

– Возможно, это не то, чего вы ожидали от элитной клиники. Но, поверьте, для этих людей сделать больше ничего нельзя.

– Разве?

– Это не обычные пациенты, Екатерина. Мы говорим о людях, которые сопротивляются уходу, которые впадают в истерику во время простейших гигиенических процедур. Мы делаем все, чтобы они были настолько здоровы, насколько это вообще возможно. Вы слабо представляете себе, что творится в бесплатных больницах.

Этого я и представлять не хотела. Но если я хочу отправить туда Руслана, мне придется туда съездить, правильно?

Пациентов в больнице держали в одиночных палатах, но совсем крохотных – там только кровать и помещалась. Пожалуй, это правильное решение, потому что эти люди могли навредить самим себе, не хватало еще, чтобы они калечили друг друга!

На жилом этаже стоял такой гул, что сразу стало ясно: не только Руслана сегодня оставили взаперти. Некоторые паци-

енты были привязаны к кроватям – так, что они и пошевелиться не могли, другие же бросались на двери. Они плакали, кричали, говорили что-то и хохотали. Я снова и снова напоминала себе, что это люди, вот только поверить, к своему стыду, не могла. Наверно, я ужасный человек, но я так и не научилась чувствовать по заказу. Мне хотелось уйти оттуда, не видеть, каким стал Руслан, сохранить в памяти тот, другой образ, пусть и потерянный мной, но все равно любимый!

Однако я шла вперед – медленно, как на казнь. Я обязана была узнать правду.

Возле двери в палату Руслана было тихо, и эта тишина казалась такой невероятной, нереальной почти после общего гула! Я осторожно заглянула внутрь через окошко в двери, но разглядеть могла не так уж много. Из-за решеток и общей серости ноября в комнатке царил полумрак, позволявший мне увидеть лишь человека, привязанного к кровати.

– Он меня узнает, когда увидит? – еле слышно произнесла я, не в силах оторвать от него глаз.

– Маловероятно. По крайней мере, свою мать он не узнавал. Прошу за мной. Ничего не бойтесь, похоже, приступ у него давно закончился и вряд ли сегодня повторится.

Я все равно боялась, но вовсе не того, о чем думал врач.

Когда мы расставались, я бы ни за что не угадала, что наша следующая встреча будет такой. Кто угадал бы на моем месте? Кто мог бы угадать? Я уходила от удивительного красавца – и уходила навсегда. Теперь же мне предстояло уви-

деть *существо*, все, что осталось от моего мужа.

Однако реальность оказалась не такой чудовищной, как я ожидала. Руслан похудел, но не сильно, не до истощения. Его тело, которое я прекрасно знала, осталось все таким же сильным, больничная пижама из тонкого хлопка не скрывала рельеф мышц, который бывает только при тяжелой физической работе. Кожа Руслана была грязной, но даже чуть загоревшей, я такого больше ни у кого в больнице не видела. Я бы даже решила, что это какая-то ошибка, что он и вовсе не болен, его напрасно тут заперли. Но потом я подошла ближе, разглядела его лицо, и все стало на свои места.

Это было пустое, ничего не выражающее лицо живого мертвеца – напрасно Анатолий Александрович назвал его ребенком. В детях жизнь, а это... Это было нечто не-мертвое, не более. Его глаза, в прошлом искристые, смеющиеся, теперь были пустыми, будто сделанными из дешевого пластика. Его улыбка померкла. Руслан, которого я знала, просто не мог скрывать, что чувствует, его лицо было идеальным отражением того, что творилось у него на душе... а теперь там была пустота.

Да и от его ухоженности, к которой я привыкла и на которую оборачивались женщины на улицах, ничего не осталось. Волосы острижены коротко, абы как, с бородой – та же история. Как и многих других пациентов, его мыли, но небрежно, так, чтобы он просто не зарастал грязью. Здесь всем было плевать, что он чувствует, они выполняли необходимую

норму.

Он был примотан к кровати кожаными ремнями – старыми, истертыми, и я заметила на его запястьях свежую кровь. Да и на простыне под ним просматривались пятна, причем не только новые.

– Это еще что такое?! – поразилась я.

– Похоже, санитары проявили некоторую небрежность, прошу их простить. – Врач попытался сделать вид, что ему жаль, хотя чувствовалось, что ему все равно. – Но им с Русланом приходится тяжело. Как видите, он истощен куда меньше, чем другие пациенты, поэтому во время приступов он иногда очень активно сопротивляется.

– Да, я вижу, что он... Он не худой. Как вам удалось этого добиться?

– Никак, и в этом еще одна аномалия, связанная с Русланом. Я ведь говорил вам, что он необычный пациент, и это не всегда плохо. Руслан поступил к нам в таком состоянии. Я ожидал, что из-за низкой физической активности со временем произойдет уменьшение мышечной массы. Заметьте, я не утверждаю, что в «Серебряном бору» плохой уход! Но, конечно, Руслан уже не мог вести здесь жизнь, которая помогала бы ему поддерживать ту же форму, что и до аварии. Однако, к моему немалому удивлению, ни через месяц, ни через два, ни через три года Руслан не изменился. Я пытался найти причину, но так и не нашел. Все указывает на то, что это некая индивидуальная аномалия, я даже посвятил ей

статью, которую вы можете почитать в журнале...

Он продолжал болтать о своих статьях и прочих научных работах, но я уже не слушала. Я смотрела на Руслана, силясь понять, он это или нет, а еще – разобраться в себе. Я чувствовала, что это он. Так же, как когда-то впервые почувствовала в нем своего человека, как несколько лет назад инстинктивно угадывала, плохо ему или хорошо.

Но при этом я не узнавала его. Как будто из него вырвали все то, что делало его Русланом, забрали, отдали кому-то другому, а мне оставили только пустую оболочку. Мол, вот тебе руины – играйся с ними, пока можешь!

И все же это был он. Руки, которые меня обнимали. Губы, которые я целовала. Глаза... глаза уже пустые, и от этого страшно, но не настолько, чтобы я отказалась от него! Когда мы расставались, я думала, что умру, если встречу его на улице с другой женщиной, счастливого и забывшего меня. Теперь же я понимала, что лучше бы так. Лучше бы он был с другой, счастлив – но жив и здоров! Потому что вот это тупое полусуществование было куда хуже и не приносило мне ни толики злорадства, которого следовало бы ожидать от покинутой жены.

– Вы можете его отвязать? – спросила я.

И плевать мне было, перебила я врача этим вопросом или нет, что он там болтал. Значение имел только Руслан.

Даже если Анатолий Александрович был задет моим безразличием к его заслугам, он удачно скрыл это и остался все

таким же вежливым.

– Да, конечно.

Он привычным движением отстегнул ремни и отошел, позволяя Руслану подняться. Я ожидала, что хотя бы это отрезвит Руслана, заставит очнуться, посмотреть на меня... Нет, не дождалась.

Он поднялся, но его движения были медленными, неуверенными, будто кукольными. Это снова был не он – не тот, кого я знала. Он сел на кровати, скользнул безразличным взглядом по мне и врачу, уставился в окно. Я знала, что сумасшествие – это страшно, но я и предположить не могла, какой ужас можно испытать, когда это происходит с близким тебе человеком.

Я готова была отвлечься на что угодно, лишь бы не думать о судьбе Руслана, – и я отвлеклась на кровать, на которой он лежал. А точнее, на простыню. Когда он поднялся, стало видно, что пятна на ней даже хуже, чем мне показалось вначале. Я догадывалась, откуда они могли появиться, но до последнего не верила.

Я подошла к Руслану – медленно, давая себе возможность отскочить, если он на меня бросится. Но он даже не шелохнулся, как сидел, так и остался.

– Не бойтесь, – подбодрил меня врач. – Он мирный!

Он не мирный – он *никакой*. И я, в отличие от Анатолия Александровича, знала, насколько это противоестественное для Руслана состояние.

Я подошла ближе и осторожно приподняла верхнюю часть его пижамы, чтобы осмотреть спину. Мои опасения были не напрасны: я увидела пролежни.

Не худший вариант, нет. Пролежни это вообще страшная штука, бывает так, что человек от них умирает. В случае Руслана, это были первые раны, первые кровавые язвы на коже. Но и это – много для молодого, крепкого мужчины! Чтобы получить их, Руслан должен был всю ночь пролежать неподвижно, а вовсе не пару часиков, да и раны на его запястье указывали на это.

Похоже, санитары, раздраженные его силой, «усмиряли» его куда чаще, чем казалось врачу.

Анатолий Александрович проследил за моим взглядом и тяжело вздохнул.

– Да, такое бывает. Мы стараемся избегать этой беды, но за всем не уследишь.

Я лишь рассеянно кивнула. Я не могла понять, как это вообще возможно – такой контраст! С одной стороны, они умудрились избежать истощения. С другой, видно, что с Русланом тут не церемонятся... Почему так? Как это объяснить?

А ведь это только начало! Первые пролежни смотрелись страшно, а если он попадет в бесплатную больницу, если там кого-то разозлит... Долго ли он протянет? Не обреку ли я его на нечто худшее, чем смерть?

Я злилась на него, злилась все эти шесть лет – за то, что он

ушел от меня, за то, что бросил одну, за то, что подарил мне самое большое счастье в моей жизни, а потом отнял. Отнял себя у меня!

Но даже так я не могла равнодушно смотреть на кровавые раны, покрывавшие его спину.

– Я заберу его домой!

Решение пришло в тот миг, когда я произнесла эти слова. Но стоило мне сказать, и на душе сразу стало легко, сомнения, терзавшие меня с тех пор, как я выехала из дома, исчезли.

Конечно, я должна его забрать. Почему я этого сразу не поняла? Чем я вообще думала?

Вот только лечащий врач Руслана не разделял мою решимость:

– Боюсь, что это плохая идея. Да, сейчас вы полны жалости, потому что увидели несчастного человека, который когда-то был вам дорог. Но вы не понимаете, на что себя обрекаете.

– Зато я понимаю, на что могу обречь его.

– Не романтизируйте его болезнь, – посоветовал Анатолий Александрович. – И не оценивайте его реакцию так, как если бы он был прежним. Это уже не тот Руслан, за которого вы вышли замуж. Он ничего не понимает, он не знает вас. Он не оценит вашу жертву ради него. Может, это и тяжело сейчас, но преодолите порыв – и, поверьте, уже завтра вы поймете, что поступили правильно.

Наверно, он был прав. Ведь даже родная мать Руслана поступила так! То есть, она молодец, она обеспечила ему достойный уход, но она признала, что с ним невозможно жить под одной крышей.

А уж я-то ему ничем не обязана! Мне нужно было признать правоту врача, развернуться и уйти. Но в этот момент Руслан повернулся ко мне и хрипло произнес:

– Катя...

Потом он перевел взгляд на стену, и в нем снова не было ни тени разума. Но этой секунды мне хватило, она наконец-то переполнила чашу.

– Анатолий Александрович, вы во всем правы, а я – дура и идиотка, которая сама себе копает яму. Но иначе я поступить не могу, и сегодня Руслан уедет со мной.

* * *

По натуре я – тревожный человек, так уж получилось. Я беспокоюсь даже тогда, когда беспокоиться не о чем. Наверно, таким, как я, суждено сходить с ума годам к тридцати. И со мной бы это, несомненно, произошло, если бы не появился Руслан.

Он быстро научился видеть, когда я начинаю нервничать, и брать инициативу на себя. Если бы не эта его черта, я бы вряд ли пережила подготовку к свадьбе. Там косячили все: кондитер перепутал заказы, ресторан пришлось менять в по-

следнюю минуту, гости никак не могли определиться, сколько человек они с собой приведут. Но то, что мне казалось жутким бардаком, для него было лишь мелкой неприятностью. Он все делал незаметно – но эффективно. Он договаривался, звонил, находил компромисс, и в итоге все было идеально.

Серьезно, мне раньше казалось, что идеал просто недостижим – все ведь так говорят. А тут я убедилась, что ошиблась. Мастера пришли вовремя, ничего не сломалось, не порвалось и не забылось, ни у кого не было плохого настроения, и даже природа, кажется, решила подыграть нам, посплав, вопреки прогнозам, хорошую погоду.

Но я была бы не я, если бы не волновалась хоть о чем-то. Раз Руслан решил все проблемы, мне оставалось только одно: волноваться о том, что я ему не понравлюсь. Может, я совсем достала его своей суетой за эти месяцы? Может, ему не понравится платье, которое я выбрала?

Или этот новый макияж? Или прическа? Или он посмотрит на меня – и разочаруется, поймет, что вовсе не со мной ему хочется провести всю жизнь?

Но волновалась я напрасно. Мы впервые в тот день встретились наедине, я так хотела – чтоб не при свидетелях, не на показ, а вдвоем. В том самом парке, где мы познакомились, но уже среди золотой листвы, а не среди цветущих каштанов. Мы с ним приняли решение о свадьбе так быстро, что многие мои знакомые были убеждены – это «по залету». Только

зря они так. Это было по любви.

Я пришла туда первой, он – чуть позже, и когда я увидела его, увидела его глаза, я поняла, что он ни о чем не жалеет. Он не плакал, но слезы все же были, и это было так странно, и приятно, и необычно... Знать, что кто-то может чувствовать такое счастье, глядя на тебя. И зря я волновалась, что недостаточно хороша, что не смогу сделать его счастливым и все такое...

Он любил меня не меньше, чем я его. А больше просто невозможно.

– Ты такая красивая, – тихо сказал он.

– И огромная! – рассмеялась я. – Боюсь, ты не поднимешь меня в этом платье!

Платье на самом деле не было огромным, но оно, расшитое жемчугом, казалось мне невероятно тяжелым. Не для меня – для него, я все боялась, что ему будет трудно...

Зря боялась. Я вообще всего зря боялась. Он только усмехнулся и подхватил меня на руки с такой легкостью, будто я не весила вообще ничего.

В этом был весь Руслан. Рядом с ним все происходило легко, само собой, как будто он улыбался – и начиналась магия. Я могла просто быть счастливой, поражаясь тому, как все идеально складывается, как это здорово, даже лучше, чем я мечтала!

С того дня я постепенно, осторожно училась верить, что бывает просто хорошо. Что счастье иногда случается, и за

него не нужно платить и отдавать что-то. Можно раскрываться перед другим человеком, отдавать ему все, любить, любить, а он не ударит в ответ, он будет таким же, как ты.

Нельзя сказать, что мы с Русланом всегда были ласковыми котиками по отношению друг к другу – сплошное мур-мур-мур и никаких коготков. Иногда мы не понимали друг друга, а иногда – ссорились, и если мы ссорились, то дрожали стены.

Но потом мы так же бурно мирились, и даже в ссоре я не сомневалась, что он – мой, он не уйдет от меня, и я могу не бояться и не скрывать недовольство. Сейчас я буду рычать и грохотать, а завтра – он, однако мы все равно будем друг у друга, он не исчезнет.

Так и правда было, почти два года.

А потом он меня предал.

* * *

Нет, я, конечно, понимала, что никто не позволит мне просто забрать психически больного человека из клиники и увезти непонятно куда. Но я не думала, что это будет так долго и отнимет у меня почти весь день!

Сначала меня заставили заполнить гору документов. Серьезно, если бы кто-то пожелал свить из этих бумажек гнездо, там поместилась бы семья из пяти человек. Я заполняла анкету за анкетой, доказывала, что мне есть где жить, что

сама я вполне адекватна, что не выброшу его в коробке под дверями церкви, если он мне вдруг надоест.

Потом меня ждал инструктаж. Это было нудно – но все-таки полезно, спору нет. Мне подробно рассказали о том, как уже проявляла себя болезнь Руслана, к чему мне нужно готовиться. Подозреваю, что они намеренно сгущали краски, стараясь заставить «столичную фифу» отступить, признав поражение еще до старта. И мне было страшно, что греха таить. Но даже под этим страхом жила твердая уверенность в том, что я поступаю правильно. Я должна забрать его отсюда – даже если меня об этом никто не просил, даже если это разрушит мою жизнь.

Здесь персонал был опытным и учтивым, все они старались сдерживаться, но пару раз в разговоре все-таки промелькнуло, что они считают это показухой с моей стороны. Вроде как мне нравится считать себя мученицей и упиваться собственной добропорядочностью, честь и хвала мне! Они считали, что мое решение продиктовано эгоизмом и желанием сыграть в святую.

Они думали, что понимают меня, что раскусили в два счета. Вот только на самом деле ни хрена они не понимали – потому что не увидели самое главное.

Я любила его. Все еще – даже больше, чем я предполагала после шести лет забвения. Да, это был не тот Руслан, а слабое, больное существо. Но моя любовь не была плодом жалости. Просто... есть чувство, от которого не избавиться.

Оно проникает в тебя, перемешивается с кровью, въедается в кожу, в кости, оно – часть тебя, новый фрагмент ДНК. Эту любовь нельзя выжечь в себе только потому, что она тебе надоела. Вот такой любовью на самом деле вошел в мою жизнь Руслан.

Это можно было сравнивать с врожденной, инстинктивной любовью к родителям – или с неизлечимой болезнью. Вопрос скорее поэтический, суть от этого не меняется. Я могла знать, к каким бедам меня может привести такое решение, но я не могла оставить здесь Руслана и сделать вид, что никакой встречи просто не было. Да, он причинил мне боль, и если бы он пришел просить прощения, то я вряд ли бы его простила. Но сейчас ставки поднялись, они были куда выше моих амбиций и уязвленной гордости. Речь шла о жизни и смерти, и я не могла обречь его на смерть.

В конце концов даже здешние врачи усвоили, что «вразумить» меня не удастся. Они смирились с моим решением и отправились собирать вещи Руслана и готовить его самого к путешествию. Меня же направили на склад в сопровождении медсестры. Я забирала Руслана за неделю до конца оплаченного срока, и чтобы не возвращать мне деньги, в больнице решили компенсировать эту сумму лекарствами.

Меня сопровождала медсестра лет сорока, крупная, полная и какая-то неопрятная. Мне она сразу не понравилась, но я, естественно, не сказала об этом. Не хватало еще придирааться к человеку, которого просто назначили мне в про-

вожатые!

А вот она молчать не стала. Она всю дорогу косилась на меня, причем как-то... странно. Как будто мы обе знаем страшную тайну, о которой нужно говорить очень тихо, чтобы никто не услышал. Неприятный был взгляд, масляный какой-то. Я его в упор не понимала, потому что мне было не до того. Но когда мы добрались до склада, она все-таки начала болтать.

– Вот, это успокоительное лекарство, это поможет ему заснуть, а вот это – против судорог, если они начнутся. Тут мазь от пролежней, доктор сказал выдать вам в подарок, а это аптечка первой помощи – мало ли что! Но, конечно, *тех самых* таблеток здесь нет.

– Тех самых? – растерянно переспросила я. – О чем вы?

– Ну же, милая, вы знаете! Я бы и рада дать вам их тоже, но здесь их не держат, вам придется купить самой. Но вы об этом не пожалеете!

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Да ладно вам скромничать!

– Я не скромничаю.

Она замолчала, сверля меня взглядом, она словно пыталась определить, могу ли я и правда не знать что-то такое, что ей казалось очевидным.

Видимо, мое уставшее лицо ее не впечатлило.

– Детка, ты и правда не понимаешь?

Я была достаточно заинтригована, чтобы пропустить фа-

миллярность мимо ушей.

– Правда, – ответила я, собирая внушительную горку лекарств в рюкзак.

– А это потому что ты и правда слабо представляешь, что тебя ждет. Все о героизме думаешь да о романтике! Но то, что будет дальше, не похоже на романтику. Теперь вся твоя жизнь будет посвящена этому убогому, иначе нельзя. Все твое свободное время. Когда тебе при таких условиях с мужиками встречаться? Да никогда! И никакой мужик не войдет в такую жизнь, это ж даже хуже, чем баба с дитем. А ты молодая еще, тело берет свое, хочется развеяться, и вот тогда на помощь придут *те самые* таблетки. С некоторыми психами их не нужно, они в этом плане живчики. Но даже если нет, то дашь таблетку – и организм готов, природу обмануть можно, и не важно, пусто в голове, не пусто. Будет у тебя своя игрушка, мягкая, теплая и живая, даже в батарейках не нуждается!

Она тупо заржала, а до меня наконец дошло, о чем она говорила... и мне стало тошно. Тошно от самой идеи, тошно от обыденности, с которой медсестра об этом рассуждала. Судя по всему, она не раз испытывала этот метод, знала, о чем говорила. Почему нет? Вряд ли у этой полубезумной тетки была очередь поклонников. А дашь волшебную таблеточку беспомощному пациенту – и все, не важно, кто ты такая, как выглядишь, как пахнешь, ничего уже не важно! Причем сама-то она наверняка была разборчива, она не прошла бы ми-

мо Руслана, слишком уж выгодно он отличается от других пациентов.

Ей казалось, что это нормально. Что такого, если они все равно ничего не соображают? Бесполезно было говорить ей о том, что такое сексуальное насилие – и почему оно распространяется не только на женщин. Да и врачи бы меня не поняли, решили бы, что это снобизм. Но я совершенно точно знаю, что Руслан, тот, каким он был, пришел бы в ужас от подобного. Он – не вещь, которую можно использовать, что бы с ним ни случилось!

От тошнотворных откровений медсестры была лишь одна польза: я окончательно укрепилась в решении забрать своего мужа из этой дыры.

Медсестра сообразила, что я не разделю ее задор и не буду восхищаться ее гениальной идеей. Она окрысилась, а я больше не обращала на нее внимания, мне хотелось как можно скорее уйти и никогда больше ее не видеть.

Руслана переодели в одежду, которую оставила когда-то его мать, когда привела его сюда – джинсы, рубашку, ботинки и куртку. У него были еще какие-то вещи в небольшой сумке, но совсем немного, определенно недостаточно для самостоятельной жизни. А моя квартира была не готова к такому спонтанному решению! Но ничего, я справлюсь. Я всегда со всем справлялась.

Анатолий Александрович проводил нас до машины. Руслан шел спокойно, смотрел он только себе под ноги. Даже

то, что его выпустили из больницы, никак на него не повлияло. Когда я сказала ему сесть в машину, он выполнил мое указание. Он больше не говорил со мной... Но это было и не нужно. Он узнал меня однажды, значит, узнает и снова!

– Не забудьте оформить все документы, – сказал Анатолий Александрович. – Он – инвалид, и вы будете получать на него пособие. Но, Екатерина... это не стоит тех денег.

– Я знаю. Я делаю это не ради денег.

– А ради чего тогда?

– Ради него.

– Что ж, посмотрим, сколько продлится ваша уверенность! – насмешливо заявил врач. – И помните: вы можете сдать его в клинику в любой момент, никто вас за это не осудит.

– Спасибо, учту.

Он серьезно ожидал, что я снова брошу Руслана? Да конечно!

Больше никогда...

Он был рядом со мной, почти как раньше, но вместе с тем совсем не так. Тишина между нами угнетала. Я старалась не думать, как буду справляться с почти двухметровым дядькой, который намного тяжелее и сильнее меня. Глядя на Руслана, я просто не могла поверить, что он способен напасть на меня.

Но и верить, что он такой, как раньше, уже не получалось. Как я объясню это соседям? Они Руслана никогда не видели,

я переехала в эту квартиру, когда он меня бросил. Что они скажут, если узнают, что он – сумасшедший? Знаю я пару дамочек, которые тут же начнут доносы строчить! Но какой смысл уже сейчас дергаться? Буду решать проблемы по мере поступления, все равно я не смогу вернуть Руслана туда – только не после всего, что я узнала!

Мы ехали в тишине. Иногда я смотрела на Руслана, надеясь на прояснение, хоть на какое-то узнавание... Ага, размечталась! Мир был ему совершенно безразличен, его, в отличие от того же ребенка, не интересовали даже деревья, мелькающие за окном.

Зато он был послушным, этого не отнять. Когда мы добрались до дома, я сказала ему выйти – и он вышел. Сказала сумку нести – он понес. Смиранный, как ягненок... Вот только Руслан, которого я знала, ягненком не был.

Я поспешила провести его в квартиру, надеясь, что никто не заметит нас. Хотя зря я это, конечно, его сложно было не заметить. Но сначала они не поймут, кто он такой, а потом я что-нибудь придумаю... наверно.

Надеюсь, что придумаю.

Сегодня у меня была забота поважнее: обработать его раны. Одевали его без меня, и я понятия не имела, удосужился ли кто-то помочь ему. Да и потом, я пока побаивалась его. Чтобы преодолеть это, мне нужно было сразу перейти к самому сложному, коснуться его, убедиться, что он не нападет.

Оставив его вещи в коридоре, я провела Руслана на кух-

ню, там свет был поярче.

– Разденься до пояса, пожалуйста, – попросила я.

Он никак не ответил, даже не кивнул, и по его взгляду было непонятно, слушал он меня или нет. Но он начал раздеваться – значит, слушал. Анатолий Александрович не ошибся: Руслан выполнял все, что ему скажут. И как-то тоскливо у меня было на душе от этого... То есть, если бы он спорил и скандалил, было бы хуже, я понимаю. Но я хотела не буйного психа увидеть, а вернуть своего мужа.

Ситуация получалась почти потусторонняя... Руслан снова был в моей жизни, он сидел на моей кухне – то есть, случилось то, что еще вчера вечером показалось бы мне невозможным. Но это сложно было назвать переменами к лучшему. Что ж, по крайней мере, мне теперь не будет так страшно по ночам! Из-за всех переживаний, связанных с Русланом, я перестала бояться ночного стука, уже хорошо.

Как я и подозревала, никто в больнице его раны не обработал. Санитары, небось, тихо радовались, что избавились от главной проблемы! Они натянули рубашку прямо на кровоточащие язвы, вот ведь идиоты... Но ничего, я все исправлю.

Я разложила на столе набор для перевязки, приготовилась заняться делом, но так и застыла в движении. Потому что здесь, при ярком свете лампы, я сумела разглядеть куда больше, чем при тусклом освещении больничной палаты. И то, что я увидела, шокировало меня.

Он был весь покрыт шрамами. Весь! Его смуглая кожа, не

очень чистая и заляпанная кровью, делала это неочевидным, поэтому я и просмотрела самое главное там, в больнице. Но уж здесь от меня ничего укрыться не могло! Я знала его тело – каждый сантиметр, каждую клеточку. Поэтому теперь я не сомневалась, что шесть лет назад, когда он ушел от меня, ни одного шрама не было!

Хотя я не жалела, что не спросила об этом Анатолия Александровича. Он бы точно не сказал мне правду – как с этими пролежнями, начал бы наверняка заливать что-то про аварию, в которую Руслан попал когда-то. Только я ведь не слепая! Да, я не медик, но кое-что знаю.

Во-первых, эти шрамы были получены в разные годы. Что-то осталось на его коже после того несчастного случая три года назад. А остальное откуда? Вот это, например, похоже на след от удара чем-то острым, но не ножом, а как будто... копьём? Или палкой проткнули? Или на арматуру напоролся? В любом случае, дико! А вот это ожог, и не термический, а кислотный... А еще...

– Господи, – прошептала я. – Родной, что же с тобой случилось!

Он не ответил мне, а когда я коснулась самого жуткого шрама, Руслан даже не шелохнулся. Как будто меня не было – или его не было здесь, со мной.

Я сейчас даже об этом сокрушаться не могла, меня завораживало то, что осталось на его коже. Это не новый шрам – но и не слишком старый, трех лет, похоже, еще нет! Такой

большой, но незаметный из-за того, что он на боку, на уровне ребер, под рукой. А шрам ведь крупный, неровный, такой не оставит ни лезвие, ни пуля. Это...

У меня была всего одна догадка, но она казалась настолько невероятной, что я просто не могла в нее поверить. Я намеренно отталкивала ее, искала альтернативы, однако альтернатив не было. Мне пришлось принять невозможную правду...

На коже Руслана остался след от изогнутых, нереально огромных звериных когтей.

* * *

– Катька, ты с ума сошла?! Что это, месть? Но ты же взрослая женщина, ты не имеешь права вести себя так!

Наверно, в моей ситуации, чтобы окончательно не рехнуться, нужно искать маленькие плюсы и сосредотачиваться на хорошем. Например, на том, что ночь прошла спокойно и никто на этот раз по зеркалу не стучал. Я постелила Руслану на диване и первое время чутко прислушивалась: как он там, не нужно ли ему что-то? Но в его комнате было тихо, и я, утомленная событиями дня и предыдущей ночи, тоже уснула.

На утро он был здесь, со мной, и с ним ничего не случилось. Чем не плюс? У него по-прежнему не было тех страшных приступов, о которых предупреждал меня врач. Руслан

был послушным мальчиком, и хотя меня это угнетало, я вынуждена была признать, что такая покорность упрощает мне жизнь.

Но за хорошее надо платить, и вот она моя плата: вопли, которые наверняка разносились на три этажа.

Я знала, что так будет. Наташка – человек разумный, но... темпераментный. Я бы сильно удивилась, если бы она одобрила мое решение! Так что, приглашая ее в свою квартиру и рассказывая ей правду, я морально готовилась вот к такому взрыву.

Не то чтобы мне так уж хотелось выслушать поток критики в свой адрес, просто поступить иначе я не могла. Наташка была единственным хорошо знакомым мне врачом – и одной из немногих, кому я все еще доверяла.

Она работала хирургом, а это по умолчанию профессия, где женщин не жалуют. Откуда я это знаю? Да от Наташки слышала раз сто – и, думаю, услышу еще столько же. Вряд ли ее жалобы были пустыми, скорее всего, пациенты на самом деле просили, чтобы им назначили врача-мужчину. Логика у них была проста: женщины слабее физически, легче срываются и поддаются настроению. А Наташка своими бурными вспышками эмоций себе репутацию не укрепляла! Нельзя ведь было объяснить всем пациентам, что в жизни она одна, а в операционной – совсем другая.

А вот я знала ее достаточно хорошо, чтобы доверить ей свою тайну. Мне нужно было, чтобы она осмотрела Руслана –

эти его странные шрамы. Она могла понять куда больше, чем я!

– Это не месть, Наташа, – ответила я. – Если бы я хотела ему отомстить, я бы просто послала его в какую-нибудь заудалую больницу, где его сгноили бы заживо.

– Тогда что это? Миссия Матери Терезы? Твой личный крестовый поход? Ты хоть понимаешь, во что ввязалась?

– Да, догадываюсь, меня там всей клиникой отговорить от этого решения пытались.

– И не зря! Я не понимаю, зачем тебе это!

– Потому что я люблю его, – просто сказала я.

Это действительно было моей единственной настоящей причиной поступить так. Нет, я могла бы наболтать ей что-то о долге, о совместных воспоминаниях, о чувстве вины. Но все это было бы фарсом, на который у меня не было настроения. По-настоящему важно было только одно: я его люблю, а любимых не бросают.

Наташка, кажется, тоже поняла это, она наконец притихла.

– Даже после всего, что он сделал? – устало спросила она.

– Даже так. Потому что я и полюбила его не за то, что он делал, а просто за то, какой он.

– Боже, какая ж ты... неадекватная!

– Как будто ты не знала, – улыбнулась я.

– Знала, но не думала, что все настолько запущено. Ладно, давай еще раз, чего ты хочешь от меня?

– Мне кажется, в клинике мне рассказали не все. У него очень странные шрамы на теле! Я просмотрела всю историю болезни, которую мне передали, и там указаны кое-какие травмы, в основном связанные с аварией. Но они не совпадают с этими шрамами! Да и выглядит он не как человек, который три года большую часть времени проводил в постели.

– Думаю, ты насочиняла уже! Я слышала об этой клинике, у нее хорошая репутация, никто там тебе врать не будет. Веди сюда своего теленка!

Наташка была знакома с Русланом. Мы с ней никогда не были задушевыми подружками – просто потому, что с ней невозможно задушевно общаться. Лишь с годами я научилась по-настоящему ценить ее неумолимую честность. Но уже тогда мы общались достаточно хорошо, чтобы я пригласила ее на свадьбу. Они там отлично поладили, однако Руслан со всеми ладил, так что я не удивилась.

Теперь даже она не могла смотреть на него без сочувствия. Еще бы! Она видела того человека – живой огонь! Ей, должно быть, тоже сложно было поверить, что он превратился вот в это.

Но в ее взгляде мелькнуло не только сочувствие – я увидела и настороженность.

– Говоришь, он три года лежал?

– Ну, совсем лежачим он не был, – уточнила я. – Но я видела распорядок дня в клинике! Прогулки там редкие, большую часть времени он проводил в комнатухе три на два мет-

ра. Да и к кровати его часто привязывали, у него пролежни на спине!

– Пролежни – дело быстрое, но вот насчет этих трех лет я бы не была так уверена. Скажи ему, пусть разденется.

Руслан прекрасно ее слышал, но никак не отреагировал на ее слова. Зато когда просьбу повторила я, он тут же выполнил ее все с таким же безучастным видом.

Он раздевался без малейшего смущения. В своем нынешнем состоянии он уже не воспринимал разницу между одетым человеком и раздетым, не помнил, что такое стыд. Я снова вспомнила ту неопрятную медсестру, и меня аж передернуло. Жалко, что память не так просто очистить!

– Вот уж не думала, что твоего мужа голым увижу, – усмехнулась Наташка. – В отличие от некоторых...

– Не смешно.

– Прости, ты права. Посмотрим, что тут у нас.

Она надела белые медицинские перчатки и подошла ближе к Руслану. В этот момент для нее было не важно, кто он такой, знакомы они или нет, что с ним случилось. Для Наташки он был очередным пациентом – не больше, не меньше.

Она осматривала его долго, заставляя поворачиваться, поднимать руки, наклоняться. Я все ждала, когда она начнет расспрашивать меня о нем, однако Наташка сосредоточенно молчала. Она то и дело просматривала историю болезни, которую я передала ей, и хмурилась все больше. А я убеждалась, что не зря беспокоилась, не зря ее позвала и вытерпела

этот скандал.

– Да, ты права, многое не сходится, – наконец объявила она. – Не понимаю... Он выглядит лучше, чем должен, и если этого добились в клинике, зачем им скрывать это? Зачем списывать на аномалию то, что они могли приписать себе в заслуги?

– Про клинику, думаю, можно забыть. Даже если я позволю и начну расспрашивать об этом, они вряд ли ответят мне честно.

– Раз сразу не сказали, то и не ответят.

– О чем и говорю, – кивнула я. – Так что давай начинать с нуля. Что ты можешь сказать о нем?

– Для начала: он не только последние три года, но и последние месяцы жил очень активной жизнью. Он много ходит, бегает, прыгает, поднимает тяжести, у него отлично развита мускулатура. Ты ведь понимаешь, что этого не может быть?

О, я понимала это как никто другой! И не только из-за слов его лечащего врача. Я наблюдала за Русланом почти сутки и усвоила, что двигается он мало. Если скажешь ему – он пойдет. Если нет – будет стоять и пялиться в темноту. У него ни разу даже желания самостоятельно пойти куда-то не было!

– Может, это и правда аномалия мышечного развития? – неуверенно предположила я.

– Меньше слушай всякую ерунду! Дело не только в мыш-

цах. Состояние стоп, мозоли на руках – все это указывает на то, что я тебе сказала. Он выполняет тяжелую физическую работу, Катя, причем регулярно. В больнице были условия для такой работы?

– Нет... По крайней мере, я ничего подобного не видела!

Если бы там пациентов заставляли работать, это вряд ли касалось одного Руслана. Однако другие пациенты были истощены и совсем не похожи на него!

– А еще он много времени проводит на свежем воздухе, – добавила Наташка. – Кожа обветренная, есть ровный, пусть и не слишком сильный загар. Судя по состоянию кожи, он часто бывает на воздухе без рубашки, но полностью голым – нет. И загар не тропический, это неяркое солнце, в принципе, соответствует нашим широтам. Если учесть, что сейчас ноябрь и загар частично сошел, можно предположить, что он сильно загорел летом.

– Мне нужно говорить, что это тоже невозможно?

– Нет, я тебе сама это скажу!

В «Серебряном бору» его точно не посылали бы загорать! Допустим, некоторых пациентов заставляли выполнять тяжелую работу – что уже маловероятно. Но это делали бы тайно, тщательно скрывая от посторонних глаз. Их держали бы в подвале или сарае, никак не на открытом воздухе! Это ж Подмосковье, а не глухая Сибирь. Если бы кто-то снял на видео, как пациентов гоняют на плантации, клинике пришел бы конец. Да и зачем им плантации? Я видела их цены, они

отлично зарабатывают вполне законным способом!

Но где он тогда был? И зачем Анатолию Александровичу врать мне?

– Уже очевидно, что с этим мы так просто не разберемся, – признала я. – Давай перейдем к шрамам.

– Да уж, это большой переход... Слушай, Руслан ведь не служил нигде?

– Нет... Почему ты спросила? – насторожилась я.

– Потому что многие из этих ран просто нельзя получить в несчастном случае. Вот это – можно, это след открытого перелома. Но вот это – явно зажившее пулевое ранение, а тут его резанули армейским ножом, если я не ошибаюсь. А я вряд ли ошибаюсь, у таких ножей специфическое лезвие.

– И когда все это было?

– В разное время. В целом, здоровье у Руслана отличное, и рискну предположить, что раны на нем заживают быстро. Но даже так... Прости за этот вопрос, но когда вы расставались, что-нибудь из этого уже было?

– Нет, ничего...

– Ты не могла не заметить? – допытывалась Наташка.

– Ты издеваешься? Как я могла не заметить, что моего мужа пырнули армейским ножом!

– Готова поверить. Но раны все равно нанесены в разные сроки, и промежуток времени большой. Можно предположить, что первые из них Руслан получил как раз шесть лет назад.

Когда расстался со мной. Я действительно не знаю, что происходило в его жизни с тех пор. Но вряд ли он отправился на войну! Анатолий Александрович сказал, что пять лет назад у Руслана уже начали подозревать шизофрению. Получается, он был здесь, в России, и показывался врачам.

Все это просто не сходится. Даже с учетом шизофрении, где он мог получать такие ранения? Если бы все можно было списать на агрессию, он пошел бы и подрался в каком-нибудь кабаке. Но пулевые ранения, нож, открытые переломы... Откуда все это?

Наташка продолжала осмотр, и странности накапливались.

– Тут он, похоже, нанизался на что-то... Видишь: шрамы с двух сторон, рана была сквозной. Обработали ее абы как, зашили криво, поэтому и шрам получился такой объемный. Тут плеснули чем-то вроде кислоты, но попали по касательной, и хорошо! Таких шрамов у него несколько, и получены они с разницей не меньше года.

Пока мы говорили о нем, Руслан оставался в привычной для него прострации. Все те чудовищные травмы, которые мы упоминали, будто ничего не значили для него! Он снова был не здесь, не с нами. А я боялась даже предположить, сколько он вынес за эти годы.

– Ну а вот это? – Я указала на тот шрам, что больше всего пугал меня. – Мне кажется, его какой-то зверь порвал... Знаешь, тигр там или медведь!

– Какой еще тигр, Катя?

– Уссурийский, блин! Не знаю, какой тигр, но посмотри на это!

Этот шрам интриговал Наташку не меньше, чем меня, однако она как раз не спешила с выводами. Она осматривала его со всех сторон, осторожно прощупывала пальцами, а потом отрицательно покачала головой.

– Нет, это вряд ли удар лапы.

– Почему? Очень похоже!

– Похоже, но не совсем. Понимаешь, у зверя когти расположены на примерно одинаковом расстоянии и под одним углом. Вот представь лапу тигра или медведя – и так будет. А здесь был разный угол и разная сила надавливания. Да и когти по размеру слишком крупные для звериных пальцев. Хотя это, конечно, не когти!

– Тогда что это? Слушай, я ведь не настаиваю на своей версии, я просто пытаюсь понять, что случилось с Русланом!

– У меня есть одна теория, но она слишком странная, чтобы ее хоть как-то объяснить!

– А есть ли в этой истории хоть что-то не странное? – рассудила я.

– И то правда. У тебя в доме найдется какая-нибудь игрушка?

Тут уж я растерялась.

– Игрушка?..

– Ну да. Кукла Барби там или плюшевый мишка, тоже по-

дойдет.

– Сейчас посмотрю...

У меня был плюшевый заяц – маленький и пушистый, занимавший дальнюю книжную полку. Слишком милый, чтобы его выкинуть, и слишком много мне напоминающий, чтобы хранить его на видном месте. Кто ж знал, что однажды он пригодится!

Наташка не стала спрашивать меня об игрушке, она была слишком увлечена. Она взяла зайца за бок одной рукой, тремя пальцами – и я увидела, что ее пальцы как раз находились на тех местах, где в случае Руслана были лезвия, оставившие шрам.

Только так можно было обхватить кого-то, если у тебя всего три пальца, только под таким углом, только сдавив с силой...

Так что да, ее теория объясняла рисунок шрама, и все равно это был полный бред. Руслан – здоровенный мужик, в природе просто нет такого существа, которое смогло бы поднять его одной рукой. Тогда что это было? Механическая клешня? Допустимо, но такую клешню нужно было сконструировать специально для того, чтобы хватать ею людей, и это снова отправляет нас к определению «бред».

– Я не знаю, как это объяснить, я такого никогда не видела, – вздохнула Наташка. – Да и Руслан, видишь, ничего тебе не скажет. Но, знаешь, Кать... Я б на твоём месте двадцать раз подумала, прежде чем оставлять его в своём доме. Тем

более, он не заслужил такой заботы, не заслужил быть спасённым!

– Возможно.

– А заслужил он как раз другое – он дал тебе право бросить его, как он бросил тебя!

У меня не получалось так же ловко и безапелляционно судить людей, как у Наташки, и я не знала, чего он достоин, а чего – нет. Но, как ни странно, теперь, когда у меня появились новые причины отказаться от помощи ему, я лишь укрепилась в решимости не оставлять Руслана одного.

Даже после всего, что он сделал.

* * *

В тот день я впервые вспомнила, что такое дурное предчувствие.

Раньше оно было частым гостем в моем мире, причем в большинстве случаев – неоправданным. Оно стало любимым спутником тревожности. Как только я начинала волноваться по мелочам, мне всюду мерещилось то самое дурное предчувствие: уж теперь случится что-то плохое, обязательно, вселенная против меня!

Это превратилось в дурную привычку, от которой меня отучил Руслан. Я стала доверять ему, поверила, что если что-то пойдет не так, мы вместе с этим разберемся, он меня не оставит. А если так, то какой смысл беспокоиться?

И вот дурное предчувствие вернулось, позабытое, неожиданное и оттого еще более страшное. Оно набросилось на меня не с самого утра, оно благоразумно выжидало своего часа. Зачем ему торопиться? С утра я была на съемке, и это отвлекало меня.

А вот в обед, когда я засобиравалась домой, оно взяло свое. Мне было плохо, беспокойно, муторно. Сердце билось часто, и хотелось плакать, хотя причин для этого совершенно не было, ни одной! Я попыталась прибегнуть к самому надежному средству: я позвонила Руслану. Но мой вечный спасательный круг именно в этот день оказался недоступен. По заученному наизусть номеру меня сначала приветствовали безнадежно долгие гудки, потом – переход на голосовые сообщения.

От этого, как и следовало ожидать, стало только хуже. Я, еще неуверенно чувствовавшая себя за рулем, впервые превысила скорость. Я торопилась домой, мне казалось, что только там я буду в безопасности. Умом я понимала, что это глупо, и я напрасно рискую, вот так проносясь по городу. Однако инстинкты били тревогу, и я ничего не могла с ними поделать.

Машину я запарковала абы как, а к квартире практически бежала. Мне было не так уж важно, что там никого нет: Руслан возвращался с работы позже меня. Главное, попасть туда, в наше гнездышко, а уж там я его дождусь!

Мне казалось, что может быть только так и никак иначе.

Я не связывала свое дурное предчувствие с Русланом – а напрасно.

Я сразу увидела, что он дома... И не только он. В коридоре была небрежно брошена обувь, валялись вещи, и мужские, и женские. Из спальни, нашей спальни, доносились голоса! Это была такая стереотипная ситуация, как в анекдоте... Только там муж возвращается из командировки, а тут – я.

Может, именно из-за этой типичности я и не смогла поверить, что все по-настоящему. Должно быть другое объяснение, не может быть так, не со мной, не с ним! Как во сне, я прошла туда, заглянула – и тупо уставилась на то, чего быть не могло.

Руслан был слишком идеален. Не только когда мы познакомились, все месяцы нашего брака тоже. Идеал – это ведь не всегда отсутствие недостатков. Для меня идеалом стала его способность делать меня счастливой несмотря ни на что, счастье просто перевешивало сложности, с которыми мы сталкивались. Поэтому Руслан не мог быть способен на нечто столь банальное и пошлое, как измена.

Но вот – сюрприз! Он был там, а с ним – Вика. Моя вроде как подруга, и это делало ситуацию еще хуже. Как будто качество измены что-то меняет... Нет, измена есть измена, но именно в этой анекдотичности я видела дополнительное оскорбление.

Вообще-то, я прекрасно знала Вику, мы были знакомы

много лет. Так что и ее недостатки были мне известны. Она была из тех, о ком пренебрежительно говорят «слаба на передок» – раз уж мы дошли до пошлости. Но какое мне до этого дело? Вика была умной, смешной, веселой, и общаться с ней было интересно. Мне казалось, что ее неразборчивость никогда меня не коснется. Друзья – отдельно, сексуальные похождения – отдельно, всегда так было, разве нет? Но оказалось, что нет, и Вика приоритеты расставляла иначе.

Но бог с ней, от нее еще можно было такого ожидать, а от Руслана – нет. Он был гарантом моего спокойствия, надежности, веры... Веры во все. И даже если бы Вике захотелось перед кем-нибудь раздвинуть ноги, именно он должен был послать ее подальше!

А получилось вот так. Руслан был с ней, в нашей постели. Он, отличавшийся от других, вдруг стал таким как все. Я смотрела на это и не могла поверить. Я не кричала и не скандалила, мне просто казалось, что это не по-настоящему. Мне казалось, что вот сейчас реальность порвется, как какая-нибудь допотопная кинолента, потом – склеится, и все пойдет по-старому. Дома будет только Руслан, который ждал меня, почувствовав, что мне плохо. А Вика... с Викторией мы в следующий раз встретимся только в кафе, в дом я ее пускать не буду, просто на всякий случай.

Вот только реальность отказывалась меняться. Она оставалась все такой же... Неисправимой.

Я не запомнила, как выгоняла ее, не знаю, кричала я то-

гда или говорила тихо. Викуся шипела на меня, как змея, косилась злобно – но она считала себя победительницей. Это читалось в ее взгляде, в ее гордо вздернутой голове. Ей было плевать, что ее выкидывали из чужого дома, не впервой! Истинной победой для нее было то, что чужой мужчина уже принадлежал ей.

Чужой... Он нам обеим теперь чужой.

Вику я вычеркнула из своей жизни легко и навсегда, не это было моей потерей. Хуже всего оказалось то, что Руслан даже не пытался оправдаться или извиниться. Он смотрел на меня с сочувствием – и не более того. Как будто ничего особенного не случилось!

– Ты ведь понимаешь, что к этому давно все шло? – спросил он.

Я отрицательно покачала головой. Я действительно не понимала, не готовилась. Вчера был такой же спокойный день, как сразу после нашей свадьбы, а сегодня – это. Я была уверена в Руслане больше, чем в самой себе! Мне казалось, что даже если все вокруг станут предателями, он останется на моей стороне, всегда!

Но для него было иначе. Я только сейчас выяснила, что он давно уже устал от меня, что я предсказуемая, всегда одинаковая и ему тесно рядом со мной. То есть, он говорил все то, что сказать не мог.

Передо мной был посторонний человек – во всем. Я не узнавала этот взгляд, это брезгливое выражение лица. Его

будто подменили! Или я действительно давно уже стала сле-
пой?

– Почему так? – прошептала я. – Почему нужно было де-
лать это? Почему ты не мог просто уйти?

– Я не был уверен, что хочу уходить, – пожал плечами
он. – Здесь удобно, я привык и к тебе, и к нашему дому.

– Привык? Просто привык?

– Ну да. В жизни вообще все просто!

Это не он... Точно, не он. Он всегда по-другому относил-
ся ко мне, к семье, ко всему! Руслан просто не мог произне-
сти эти слова...

Или я снова пытаюсь погрузиться в спасительный само-
обман?

– И что теперь?

– Развода я не хочу, если ты об этом, – ответил Руслан. –
Развод – это долго, нудно, да и дорого. Зачем, если нам
неплохо живется вместе?

– Дальше тоже будет неплохо?

– Даже хорошо, если мы оба подойдем к этому разумно!

– Разумно?..

– Договоримся, – пояснил он. – Как ты смотришь на от-
крытый брак? Мы будем жить вместе – но с большей свобо-
дой. Мне кажется, это поможет!

– Пошел вон.

Я произнесла это ровно, четко, будто другого выхода про-
сто не осталось. Так разве ж он был? Нет, я уже понимала,

что Руслана у меня больше нет. И если мне предстояло вырвать его из своей жизни, я хотела сделать это сразу, оставив себе на будущее только лучшие воспоминания о нем. А не такие разговоры, как вот этот!

Мне было плохо, и в голове все плыло, и осталось держаться только за эту решительность. Я слабо представляла, как выжигают в себе идеалы, мне лишь предстояло разобраться в этом. Но того, что осталось от Руслана, рядом быть больше не должно.

– Катя, ты драматизируешь, я...

– Пошел вон!

Мне пришлось крикнуть на него. Я терпеть не могу кричать, но иногда иначе – никак.

Он ушел. Я расплакалась только после того, как за ним захлопнулась дверь.

Я ожидала, что он вернется – или хоть как-то проявит себя. Наша семейная жизнь, которая оборвалась неожиданно, окружала меня со всех сторон, и я не знала, что делать и как справляться. Официально, я была замужем, и в доме лежали его вещи, и наши общие знакомые спрашивали о нем... Но по факту – он просто ушел, и я понятия не имела, где он. Я отправила ему сообщение, чтобы он забрал свои вещи, и он прислал за ними друга. Я сказала, что хочу продать квартиру, однако никакой реакции не последовало. Квартира была оформлена на меня, а он даже прописаться не успел, и я тогда не понимала, почему... А он, может, готовился сжечь

мосты!

Любому человеку тяжело пережить предательство. Такому, как я, – наверно, вдвойне, потому что мне лишь чудом удалось подпустить кого-то так близко, и я не знала, получится ли это снова, смогу ли я кому-то доверять. Но Руслан принял решение за нас обоих. В какой-то момент мне пришлось признать тот факт, что я больше никогда не увижу своего мужа.

* * *

– Знаешь, а ведь это был поступок сумасшедшего, – задумчиво произнесла я. – То, что ты сделал шесть лет назад, тебе не кажется?

Руслан, разумеется, не ответил мне. Он никогда не отвечал, и у меня даже не было иллюзии, что он понимает меня. Но мне нравилось говорить с ним, потому что без этого рядом с ним, молчаливым и безвольным, становилось даже жутко.

– Ладно, не хочешь болтать – дело твое. Сегодня тебе придется побыть самостоятельным, потому что мне нужно кое-куда съездить. Я оставлю тебя одного, а тебе нужно просто сидеть тихо и ничего не делать. Справишься?

Он снова не ответил, но я и не ожидала ответа. Мне было не по себе от перспективы оставить его одного, однако иначе не получалось. Я понятия не имела, где найти сиделку, кото-

рая согласилась бы присматривать за таким здоровяком. Не каждой ведь докажешь, что он безобиден!

Я успокаивала себя лишь тем, что Руслан активностью не отличался. Я провела с ним пару дней в квартире, и за это время он ни разу не выходил из своей апатии, и приступов тоже не было. Он был тихим, мирным и сонным. Исключительно поэтому я готова была рискнуть, оставляя его одного.

Мне нужно было срочно заняться документами, сроки поджимали. Руслан ведь по всем пунктам тяжело больной человек, и ему нужен опекун. Пока я официально это не оформлю, получается, что я чуть ли не выкрала его из больницы и он представляет опасность для общества! Короче, меня ожидали все девять кругов бюрократического ада. Я не могла таскать Руслана с собой, я понятия не имела, какие там будут условия и сколько это продлится, вот я и решилась оставить его одного.

Беспокоилась я не зря: я там весь рабочий день убила. Это оказалось даже хуже, чем я думала! Мало того, что меня погребли под лавиной из справок, на меня еще и смотрели, как на аферистку. Никто не мог поверить, что я забрала его из клиники, потому что он и правда мне дорог. Все считали, что меня интересует только пособие, и не скрывали этого.

Да еще наследство – конечно, наследство! Я и забыла об этом, а бюрократическая машина продолжала работать. Все, что осталось после смерти Ирины Георгиевны, теперь переходило ее сыну. А поскольку Руслан был признан недееспособ-

собным, я могла распоряжаться его имуществом. Поэтому все эти унылые тетки и косились на меня, как на счастливую победительницу лотереи. У зависти ведь нет ни мозгов, ни логики... Они никак не могла понять, что на меня не внезапно богатство свалилось – я увидела близкого человека в состоянии, которого и врагу не пожелаешь!

К тому же, богатство было не таким большим, как им казалось. Подтвердились мои догадки: чтобы оплатить лечение Руслана, Ирина Георгиевна распродала большую часть того, что у нее было. Но у нее осталась квартира и какие-то деньги на счету, и вот за это все вокруг были готовы считать меня продажной тварью.

Деньги меня не слишком интересовали, а вот квартира – это другое дело. Там хранились вещи Ирины Георгиевны, там я надеялась найти хоть какие-то указания на то, что на самом деле произошло с Русланом. Она ведь мать, она должна была разобраться! Но для этого мне еще предстояло получить ключи, а пока я собирала справки.

От беготни, очередей и бесконечных бумажек я устала так, будто весь день провела на каменоломне. Дурацкая все-таки система, но от нее не убежишь! Мне хотелось как можно скорее вернуться домой – убедиться, что с Русланом все в порядке, а потом уже отдохнуть.

Увы, путь до квартиры оказался не таким простым, в этот день фортуна была против меня и не скрывала этого. Когда я поднималась наверх, лестницу решительно перекрыла своим

грузным телом Людмила.

Ей это было несложно: Людмила была мечтой перфекциониста, ее параметры идеально соответствовали ширине лестницы. При этом она была молодой, сильной и могла остановиться на скаку не только коня, но и медведя, бизона и тираннозавра. Стоит ли говорить, что меня она задержала без лишних вопросов!

Людмилкой ее звали все, потому что именно это слово разносилось по подъезду вместе с пьяными мольбами ее мужа, которого она не пускала в квартиру. Сама же она представлялась Людмилой Станиславовной, но это солидное имя мало подходило двадцатипятилетней, розовощекой, как матрешка, девице. У Людмили были напряженные отношения со всеми вокруг, кроме ее детей. А поскольку я с ней в родстве не состояла, мне не довелось стать исключением.

– Это просто возмутительно! – заявила Людмила, бесцеремонно минуя такую скучную мелочь, как приветствие.

– Что именно? – спросила я, сдерживая раздражение. По опыту я знала, что скандалить с ней бесполезно, я быстрее уберу ее с пути, если выясню, что ей нужно.

– Плесень, черная плесень! Куда только смотрит управляющая компания?!

– Не знаю. Ни про компанию, ни про плесень.

– Ты хочешь сказать, что у тебя ее нет?! – поразились Людмила.

– Я не видела. Может, я просто не заметила.

В последние дни мне было не до разглядывания каждого уголка на предмет плесени, но я не собиралась рассказывать об этом соседке.

Однако Людмила уже была на тропе войны. Сообразив, что я не готова поддержать ее, она пришла в такое возмущение, что чуть не лопнула – а этого мне бы не хотелось, меня бы взрывной волной снесло. Она бесцеремонно схватила меня за запястье и потащила за собой, причем так быстро, что я и пикнуть не успела.

Дверь в ее квартиру оставалась приоткрытой, поэтому очень скоро мы обе оказались внутри. Не позволяя мне даже снять ботинки, Людмила протащила меня через коридор в гостиную и ткнула пальцем в потолок.

– Вот! Вот о чем я говорю!

Что ж, шах и мат. Обычно она склонна была преувеличивать проблемы – когда почтальон случайно бросил ее письмо в соседский ящик, она узрела в этом чуть ли не теорию заговора. Но в этом случае Людмила была пугающе права.

Не нужно было всматриваться, чтобы обнаружить плесень, она занимала львиную долю потолка и одной из стен. Черная, жуткая, выющаяся в воздухе, как паутина... Я в жизни такой дряни не видела! Я даже не была уверена, что это плесень. С другой стороны, что еще это могло быть?

Рядом с этой штукой тяжело было дышать. У нее не было какого-то определенного запаха, но казалось, будто воздух в комнате наполнен мельчайшими песчинками, раздрающи-

ми горло. Я тут же закашлялась, а Людмила с непонятым торжеством хлопнула в ладони.

– Вот! Вот о чем я говорю! У нас тут отравка, а управляющей компании – хоть бы хны!

– Когда это появилось? – спросила я, с трудом подавив кашель.

– Позавчера – как первое пятнышко. Я решила, что это просто подтекает труба где-то, но все равно сразу же сообщила управляющей компании. А они что сделали? Ничего – и вот результат!

Я сильно сомневалась, что управляющая компания могла бы здесь что-то изменить, даже если бы очень захотела. Плесень была густой, она полностью скрывала под собой штукатурку и обои, а еще – влажной... как будто склизкой! Она исходила непонятым густым соком, заставляющим меня сомневаться, что это вообще плесень.

Ну а что еще?

– У Дмитриевых такая же ситуация, – вещала Людмила. – И у Корнеевых, которые из шестьдесят третьей, то же самое. А ты где-то между нами! Как у тебя может этого не быть?

– Не знаю... Но еще утром больших пятен точно не было!

Такую катастрофу я бы не просмотрела, как бы я ни была занята.

– Так может, от тебя это все и исходит? – подозрительно покосилась на меня Людмила.

– Как это может исходить от меня, если у меня ничего нет?

– Не знаю! Я вообще не знаю, как работает плесень! Но это ненормально!

– Да уж...

– Я хочу посмотреть твою квартиру! Проверить, есть у тебя это или нет!

– Черта с два! Хочешь, чтобы я подписала какое-то коллективное обращение к управляющей, – пожалуйста, а в мою квартиру никто не войдет!

Людмила мгновенно притихла – она привыкла, что я говорю с ней вежливо, и такого рыка от меня не ожидала. Да я и сама обалдела! С моей стороны, это не было криком или бабской истерикой. Я... вроде как приказывала.

Не знаю, как и почему, но когда речь заходила о защите Руслана, у меня вдруг появлялись силы, которых раньше не было.

– Мне нужно идти, – сказала я. – День был долгий. Мой телефон у тебя есть, если что понадобится – звони.

– Хорошо...

Уж не знаю, что увидела Людмила на моем лице, а становится у меня на пути она больше не рисковала.

Я наконец-то добралась до квартиры. После всего, что произошло, я даже побаивалась туда заходить, но напрасно. Внутри было тихо, спокойно и чисто. Руслан был в той же комнате, где я его оставила, правда, с кресла он перебрался на диван. Он не выглядел ни напуганным, ни разозленным

моим отсутствием. Он по-прежнему был... никаким.

Я обошла квартиру, разыскивая ту загадочную плесень, которую показывала мне Людмила. Я заглянула везде, ванну чуть ли не с лупой облазила. Ничего, ни одной черной точки! Думаю, проблема все же в квартире Людмилки, а у соседей все не так плохо, она преувеличивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.